

СЦЕНА И ЖИЗНЬ

Еженедельный, театальный и литературно-художественный иллюстрированный журналъ.

II годъ изданія.

№ 15.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 13-ГО АПРѢЛЯ.

1908 Г.

СОДЕРЖАНІЕ ПАСХАЛЬНАГО 15 №—СБОРНИКА:

„Христосъ воскресъ“,—редакціонная статья; „Кто идетъ?“,—стихотвореніе **А. Дружининой**; „Во снѣ“,—пасх. разск. **Ц. Гроссъ**; „Калѣка“,—стихотвореніе **А. Рославлева**; „Передъ заутреней“,—разсказъ **М. Кларина**; „Весной“,—стих. **А. Грунина**; „Поздно“,—этюда **В. Омута**; „Объ Алешкѣ, поповскомъ сынѣ и

Поленицѣ прекрасной“,—былина въ стихахъ **П. Муринскаго**; „Странная любовь“,—разск.; „Въ наши дни“,—набросокъ **Б. З.**; „Въ семьѣ“,—эскизъ **Л. Ярцевской**; „Современный Отелло“,—очеркъ **В. Блохина**; „Звѣзда сезона“,—разск. **В. Зичи**; „Изъ міра погибающихъ“,—пасх. очеркъ **М. Безымяннаго**.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

Въ торжественно-радостномъ перезвонѣ колоколовъ несется пѣснь:

— Христосъ воскресъ!

Воскресъ Искупитель міра, и обновленный міръ, согрѣтый лучами божественной всепрощающей любви и кротости, шлетъ привѣтъ всему живущему:

— Воскресъ Христосъ!

Какъ много въ этихъ словахъ чудныхъ созвучій, мелодіи, музыки и того скрытаго смысла въ нихъ, которымъ живетъ измученный человѣкъ!

— Христосъ воскресъ! Воскресъ Христосъ!

Изъ устъ въ уста передаются эти звуки, подхватываются «малиновымъ» звономъ колоколовъ, пробуждая въ утомленномъ сердцѣ человѣка свѣтлую искру любви къ другимъ...

— Христосъ воскресъ!

Забыты всѣ обиды и въ прозѣ будничной жизни находится уголокъ,—какъ среди песчаной степи цвѣтущій оазисъ,—уголокъ того великаго счастья, который властно охватилъ страдающую и одинокую душу человека...

— Воскресъ Христосъ!

И въ гимнѣ этихъ словъ слезы растворяются въ жизнерадостную улыбку, горе—въ надежду на лучшее будущее, страданіе—въ покой, обида—въ прощеніе...

— Во истину воскресъ!

Умолкли страсти, улеглось недовольство. Изъ груди, переполненной «торжествомъ изъ торжествъ», вырывается могучій «красный» крикъ:

— Воскресъ Христосъ!..

И, если бы въ жизни человечества, съ его горемъ, болѣзнями, страданіями, никогда не было бы такихъ свѣтлыхъ и праздничныхъ минутъ, не было бы надежды на возрожденіе, не стоило бы жить, не стоило бы лить слезы, бороться и стремиться впередъ...

— Христосъ воскресъ!

И жестокое сердце человека размягчается при этихъ словахъ, и братья-люди при встрѣчѣ обнимаются другъ съ другомъ, не взирая на то,—знакомы ли они, богаты ли, сильны-ли...

Всѣ—одинаковы, всѣ братья!

— Воскресъ Христосъ!

Объединенное этимъ святымъ возгласомъ, человечество временно заглушаетъ въ себѣ кровожадные инстинкты, вѣритъ и любитъ, радуется и благословляетъ страждущихъ и обездоленныхъ, крѣпко сжимая имъ руки и страстно восклицая:

— Во истину воскресъ!

Сегодня—день весны, день солнца, «торжество изъ торжествъ».

Пасха красная! Пасха!..

— Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!

И пусть этотъ величайшій праздникъ, какъ день всепрощающей любви и кротости, продолжится навсегда, запечатлѣвшись въ душѣ человечества, какъ символъ нравственнаго самосовершенствованія, какъ импульсъ къ болѣе разумнымъ и справедливымъ отношеніямъ другъ къ другу.

Умолкни, ожесточенное сердце!

Р е д а к ц і я.

Кто идетъ?

СТИХОТВОРЕНИЕ

А. Дружининой-Гарди.

Кто идетъ—это ночь.
Кто молчитъ—это день.
Разгадать можетъ кто нашъ удѣлъ?
То судьба, то холоднаго сумрака дочь,
Что уносить и душу, и мысли людей
Въ волшебство необъятныхъ тѣней.

Я-бъ хотѣла обнять, я-бъ хотѣла постичь
Красоту нѣжно-утреннихъ грезъ,
Я-бъ хотѣла весь міръ, всей вселенной ку-
миръ
Бога счастья узрѣть и постичь.

Въ этотъ утренній часъ,
Въ этотъ сумракъ тѣней
Мы не вносимъ мятежныхъ годинъ
Прожитаго давно, повтореннаго вновь
Какъ шептанья заглохшихъ руинъ.

Но порывовъ полны въ сладкій утренній
часъ

Послѣ ночи понурой и злой
Мы уносимъ всѣ силы ума и души
Въ день грядущій, сознательный день мо-
лодой
И надеждой полны мы въ тиши.

Кто идетъ—это ночь.
Кто молчитъ—это день. —

Близнецы, но контрасты идей.
Кто зоветъ и манитъ, общается, даритъ?
Только утро людей, только утро тѣней
Перепутанныхъ въ сумракѣ сновъ.

Оттого я люблю ранней зорьки разсвѣтъ,
Вереницы тянущихся сновъ,
И, забывши весь міръ, на крылахъ золо-
тыхъ,
Въ колесницѣ, въ цвѣтахъ, въ нѣжно-ро-
зовыхъ снахъ
Я лечу за кумиромъ своимъ.

Какъ хорошъ этотъ Богъ, этотъ царствен-
ный сынъ
Мощи, силы, полета, любви...
И, какъ въ сказкѣ ведетъ этотъ юный
Ахиллъ
Рой красавицъ нездѣшнихъ міровъ.

Сколько нѣжности въ граціи свѣтлыхъ не-
вѣстъ,
Море нѣги въ прекрасныхъ очахъ.
Подъ туниками рой этихъ сказокъ чудесъ..
Какъ корарскаго мрамора цвѣтъ,
Блещетъ тѣло рабынь молодыхъ.

Но кого-жъ избереетъ этотъ царь красоты?

На пурпуровомъ ложѣ любви,
Съ кѣмъ, въ восторгѣ мечты,
Въ страсти знойной души
Будетъ ждать онъ восторговъ дали?

Нѣтъ красавицы той, что зажгла-бы царя,
Нѣтъ въ подлунной и нѣтъ на звѣздахъ.
Есть одна лишь краса, странной тайны
полна.
То—мечта, о, мечта лишь одна.

То мечта о красивомъ, въ широкомъ, какъ
міръ,
Проявленьи идущихъ планетъ,
Въ синемъ блескѣ луны, въ грезахъ юной
души
На которыя отзвука нѣтъ.

То мечтаны о томъ, чего нѣтъ никогда,
То страданье по томъ, что блаженствомъ
зовемъ,
И что любимъ вездѣ и всегда.

Но зачѣмъ эта тѣнь и унылость скорбей?
Гдѣ печаль—тамъ нѣтъ мѣста любви,
Жизнь не ждетъ, колесница давно у дверей,
И въ даль снова мечта насъ зоветъ.

ВО СНѢ.

(ПАСХАЛЬНЫЙ РАЗСКАЗЪ).

Въ нашемъ городкѣ, какъ и во всѣхъ посадахъ и мѣстечкахъ Галиціи и Буковины—былъ тоже свой юродивый. Его даже находили ненормальнымъ, чуть ли не полоумнымъ.

По обыкновению, юродивый держалъ себя свободно. Онъ никого не боялся: ни полиціи, ни чиновниковъ магистрата, ни духовенства. Онъ не боялся и кладбищенскаго сторожа, передъ которымъ нерѣдко такъ дрожали даже сильные міра. Наоборотъ, всѣ обыватели городка скорѣе боялись юродиваго. При видѣ его, закрывались двери и окна, какъ будто онъ собирался нападать на кого то. Въ сущности же бѣдный юродивый никогда никого не обижалъ. Онъ даже слова дерзкаго никому не говорилъ. А все таки всѣ на него кричали и мальчишки, убѣгая, бросали въ него камнями и грязью.

Я всегда жалѣлъ бѣднаго юродиваго. Меня что-то влекло къ нему. Мнѣ хотѣлось съ нимъ говорить, утѣшить, погладить его. Но подойти къ нему близко не было возможности. Мнѣ пришлось бы получить на свою долю добрую часть камней и грязи, которыми мальчуганы дарили несчастнаго юродиваго. А я ребенкомъ еще былъ всегда чистенько одѣтъ. Платье мнѣ всегда привозили изъ Львова и Кракова. И я поневолѣ долженъ былъ держаться въ сторонѣ, оберегая свою курточку отъ грязи и спину отъ брошенныхъ камней. Я стоялъ всегда издали...

Городокъ, гдѣ жили мои родные и гдѣ я провелъ мое счастливое безвозвратное дѣтство, былъ пограничный, окруженный съ одной стороны крѣпостнымъ валомъ и глубокимъ рвомъ, а съ другой—широкой быстротечной рѣчкой. На валу и во всей крѣпости были построены батареи съ огромнѣйшими пушками. Часовые, вооруженные ружьями, маршировали по валу молча и сосредоточенно. А чуть наступала ночь, какъ тотчасъ же разводили желѣзную мостъ, переброшенный черезъ рѣку и соединившій нашу территорію съ владѣніями другого государства. И тогда, заперевъ всѣ ходы и выходы, нашъ городокъ отрывается отъ всего міра на цѣлую ночь до слѣдующаго утра. У всѣхъ воротъ ставились караулы, вооруженные съ головы до ногъ и о выѣздѣ или въѣздѣ въ городокъ всѣ должны были забыть.

Кажется недавно, всего лишь нѣсколько часовъ тому назадъ мы всѣ чувствовали полную свободу. Мы могли выходить и выѣзжать куда угодно, не спрашивая на то каждый разъ разрѣшенія плацъ-маіора. Мы

могли купаться или играть на берегу рѣки, далеко за городомъ. Мы могли устраивать всевозможныя игры на зеленой лужайкѣ, лежать растянувшись на травѣ и смотрѣть далеко, далеко въ высь, въ небесную лазурь, или такъ въ пространство. Всякій изъ насъ дѣлалъ, что ему только хотѣлось и никто ни слова не говорилъ. Даже, если кто не возвращался днемъ, никто не спрашивалъ и не беспокоился. Но ночью, ночью было совсѣмъ другое. Требовали, чтобы была тишь и гладь и Божья благодать, чтобы никто не валандался туда и обратно. «Еще хорошо—думалъ я не разъ,—что луну ночью выпускаютъ. Ей бы еще входъ запретили».

И сколько я жить буду, а не забуду эти сумерки, это наступленіе ночи. Вмѣстѣ съ ночными тѣнями, бывало, надвигается какая-то туча. Люди съеживались, прятались въ какую-то скорлупу и становились миниатюрными. Дома стали похожи на лачуги. Вотъ начинается разводка моста. Желѣзныя цѣпи гремятъ, натягиваемыя огромнѣйшими блоками. Стукъ, лязгъ цѣпей, эти жесткіе, обрывающіеся звуки, все наводитъ на васъ какой-то страхъ. Вѣдь это происходило такъ каждый вечеръ. А все таки каждый разъ страхъ нападаетъ. На лицахъ, бывало, замѣчаешь какую-то апатію, притупленность. Люди блуждали съ потухшими взорами въ очахъ. Брови опускались внизъ; всѣ ходили какъ-то насупившись. А потомъ патрули начинаютъ маршировать по улицамъ. Звенятъ шпоры, стучатъ опущенныя шашки, погоны и пуговицы на мундирахъ ярко блестятъ и только и слышится: «кто здѣсь?» «Свой», вынуждены всѣ отвѣчать. Иначе вы рискуете попасть—чортъ знаетъ куда. Люди не храбраго десятка всегда предпочитали запереться на ключъ въ своихъ жилищахъ и носа не показывать на улицу. По крайней мѣрѣ не рискуешь ничѣмъ.

Однажды, въ день наканунѣ Свѣтлаго праздника, со мною случилось нѣчто неожиданное. Былъ ледоходъ и я весь тотъ день находился на берегу рѣки, любуясь чудной панорамой, разстилавшейся передъ моими глазами. Красота окружающей природы, этотъ ароматъ весны такъ вскружили мнѣ голову, что я совсѣмъ забылся. У меня совсѣмъ изъ головы вышло, что послѣ дня вообще наступаетъ ночь и т. д. Вдругъ, о, ужасъ! Я вижу: уже разводятъ мостъ. Цѣпи гремятъ, рѣжутъ слухъ и въ сердцѣ моемъ какъ будто голосъ раздается: «пропалъ, ты уже останешься здѣсь ночевать, домой не попадешь!» И странно. Дома, когда я, бывало, лежу ночью въ теплой кроваткѣ, мнѣ всегда во снѣ грезилась жизнь тамъ...

за городомъ, по ту сторону вала. А теперь, когда эти грезы сбылись, на меня напалъ какой-то стѣхъ, меня обуялъ ужасъ. Я стоялъ въ какомъ то оцѣпененіи, не зная что со мной дѣлается. Внутри меня въ это время происходила страшная борьба между сердцемъ и разсудкомъ. Разсудокъ какъ будто говорилъ: «успокойся! Наслаждайся хоть разъ въ жизни ночнымъ ароматомъ благодатной весны. Чего трусишь? Смотри какъ все прелестно кругомъ! Это небо, эти мириады звѣздъ!»... Сердце же неистово билось и трепетало, какъ будто хотѣло выскочить у меня изъ груди. Но недолго эта борьба продолжалась. На меня начало надходить какое-то забытье. Какой-то туманъ застилалъ мнѣ глаза. Мысли мои начали путаться, темнѣй и темнѣй стало кругомъ и скоро я пересталъ сознавать, гдѣ я и что со мною. Въ ухахъ звучало, зарябило въ глазахъ; малѣйшій шорохъ, шумъ засохшаго листка, дуновение вѣтерка—все это еще больше усиливало мой страхъ и я упалъ на землю, скрывъ лицо свое въ прибрежномъ пескѣ.

Спалъ-ли я долго на томъ мѣстѣ, нашли меня и какимъ-нибудь способомъ доставили домой—этого я не помню. Я помню лишь дивный сонъ въ ту знаменательную ночь. Онъ былъ какъ бы продолженіемъ того, что случилось со мною днемъ. Мнѣ снилось, будто я лежу все на томъ же песчаномъ берегу нашей рѣки. Вдругъ я чувствую, что кто то возлѣ меня, близко; я слышу даже чье то дыханье. Вскрываю и вижу: я не одинъ. Знакомые, доѣрчивые съ оттѣнкой какой-то затаенной грусти глаза смотрятъ на меня съ участіемъ и любовью. Это былъ юродивый.

— Какъ ты попалъ сюда?—спрашиваю я его.

— Я никогда не ночую въ городѣ, отвѣчаетъ онъ мнѣ едва слышно. И взоръ его такъ нѣженъ, голосъ такъ мягокъ и ласковъ, что я вмигъ забываю свой страхъ.

Я лежу, вспоминаю все пройденное мною изъ стараго и новаго завѣта и мысленно переносусь вглубь вѣковъ. «Въ старину, думаю себѣ, всѣхъ пророковъ называли полоумнымъ, юродивыми. Даже Величайшій изъ пророковъ Воскресшій въ эту ночь, вначалѣ до того, какъ Онъ былъ распятъ на крестѣ—Онъ тоже былъ признанъ полоумнымъ. Толпа, чернь иначе не могла смотрѣть на Него и на Его учениковъ. Не пророкъ-ли и этотъ несчастный, сидящій рядомъ со мною? Не гонимъ ли и онъ людьми за то, что онъ пророкъ? Не блещетъ-ли свѣтъ его очей, какъ тѣ же звѣзды ночныя?

Не похож ли звук его голоса на звук эоловой арфы? Не таит ли онъ въ своемъ сердцѣ вѣчную міровую скорбь, то высокое, святое страданіе, которымъ однимъ испускаются людскіе грѣхи и несовершенство мірское? А, можетъ быть, онъ знаетъ и тайну грядущихъ дней?...

Я пытаюсь заговорить съ нимъ. А онъ отвѣчаетъ мнѣ на все такъ ласково, такъ нѣжно, что мнѣ порою кажется, будто все это сонъ, сладкій сонъ, тамъ... по ту сторону крѣпостного вала.

— Ты вѣришь въ пришествіе Спасителя?—спрашиваю я его.

— О, безусловно!—отвѣчаетъ онъ мнѣ тихо и убѣжденно.—Онъ *долженъ* притти!

— Онъ *долженъ*?

— Несомнѣнно!—Всѣ ждуть его. Даже земля и небо и тѣ ждуть. Иначе не было бы ни у кого охоты жить. Никто ничего не дѣлалъ бы. И, если люди живутъ и трудятся, показывая этимъ, что они *хотятъ* жить, то отсюда ясно, что всѣ инстинктивно чувствуютъ, что Онъ долженъ притти, что Онъ уже идетъ, что Онъ уже въ дорогѣ...

— А правда, спрашиваю я дальше,—что до того будутъ страшныя войны, что люди будутъ грызться, какъ звѣри лѣсные, что земля будетъ орошена человѣческой кровью, что все будетъ залито и затоплено ею? И что въ это самое время, среди этой кровавой вакханаліи придетъ Онъ, нашъ Богъ, нашъ праведный Богъ? Правда-ли все это?

— Правда!

— И Его узнаютъ?

— Всякій Его узнаетъ. Никто не ошибется. Онъ будетъ тотъ-же избранникъ Неба, Сынъ Божій, съ тѣмъ же взоромъ и съ тѣмъ же вдохновеннымъ, мощнымъ словомъ. Онъ придетъ безъ рати, безъ копья и меча.

— А съ чѣмъ же?

— Крылья у Него будутъ. И всѣ потомъ обрѣтутъ крылья! Оно будетъ такъ: появится на свѣтъ новорожденный младенецъ съ крыльями, потомъ другой, третій. И такъ уже пойдетъ дальше. Сперва люди ужаснутся. Но потомъ они привыкнутъ. И такъ до тѣхъ поръ, пока не народится новое поколѣніе и всѣ съ крыльями. И тогда люди будутъ герои. Они перестанутъ пресмыкаться, барахтаться въ грязи изъ-за жалкаго куска хлѣба.

Долго онъ еще такъ говорилъ. Но я пересталъ его понимать. Все-таки голосъ его такъ сладко звучалъ, что я глоталъ, впитывалъ въ себя его слова. И когда онъ кончилъ, мнѣ снилось, будто ворота крѣпостного вала уже открыты и мостъ снова спущенъ.

И снилось мнѣ дальше, будто съ той минуты жизнь въ крѣпости стала мнѣ еще невыносимѣй. Эти батареи, эти гремящія цѣпи разведеннаго моста, желѣзныя ворота, патрули, тотъ грозный, хриплый «кто здѣсь?» и покорный, рабскій: «свой», эти восковыя, испуганныя лица и потухшіе глаза,

эта базарная площадь съ длинными, блуждающими тѣнями передъ заходомъ солнца— все это угнетало меня, падало, какъ тяжелый свинецъ на грудь и мѣшало свободно дышать. Мною овладѣло какое то чувство боли, безысходной тоски и скуки и я рѣшилъ бросить все и пойти на встрѣчу тому, чьего пришествія мы такъ долго и мучительно ждемъ.

Я сажусь на первую попавшуюся лучшую повозку. Возница оборачивается ко мнѣ лицомъ и спрашиваетъ.

— Куда?

— Куда хочешь, отвѣчаю я.— Только подальше отсюда. Туда... далеко, далеко...

— Все-таки сколько же времени мы будемъ ѣздить?

— До тѣхъ поръ, пока лошадь не устанетъ.

Возница беретъ возжи въ руки и мы ѣдемъ.

Мы ѣдемъ все дальше и дальше. Другія поля, другіе лѣса. Не тѣ деревни, не тѣ города. Все ново, все не то, что я видѣлъ до тѣхъ поръ. Но это такъ казалось только снаружи. Внутри было все то же. Когда я хорошенько всмотрѣлся, я на всемъ видѣлъ печать той же скорби. Та же трусость и фальшь во взорѣ, тотъ же рабски—приниженный тонъ у человѣка. Ничего новаго! На всемъ лежалъ покровъ какой-то безысходной тоски, который гасилъ всякій проблескъ радости и счастья. Все придавлено, все принижено. И я кричу своему возницѣ: «дальше,—дальше!» Но я все-таки въ зависимости отъ него же и отъ его коня. Конь проголодался и отказывается итти дальше. И мы вынуждены остановиться.

Мы остановились у какой-то одинокой заброшенной корчмы. Открывъ дверь, мы вошли въ большую горницу, раздѣленную на двѣ половины длинной, цвѣтной занавѣсью. Въ сторонѣ почти у конца занавѣси сидятъ три человѣка за огромнѣйшимъ столомъ. Они меня не замѣчаютъ и я пользуюсь моментомъ, чтобы хорошенько разглядѣть ихъ. Я вижу: передо мною три поколѣнія. Самый старшій—сѣдой, какъ лунь, глубокой старикъ. Но онъ все-таки еще достаточно бодръ. Сидитъ ровно, въ рукахъ у него большая книга, которую онъ читаетъ безъ помощи очковъ. Старческое лицо серьезно, глаза смотрятъ смѣло впередъ и самъ онъ какъ будто одно цѣлое съ книгой такъ какъ бѣлыя серебристыя волосы его густой бороды сливаются ихъ воедино. Возлѣ него сидитъ человѣкъ помоложе, это, вѣроятно, сынъ старика. Черты лица обнаруживаютъ поразительное сходство, но оно подвижнѣй, моложе, нервнѣе. Порою его взглядъ лишь отражаетъ какую-то усталость. Онъ тоже читаетъ книгу, но уже при помощи очковъ. Книга у него меньше, чѣмъ у старика и онъ держитъ ее ближе къ глазамъ, опершись о столъ. Онъ среднихъ лѣтъ, но уже съ значительной просѣдой. Онъ сидитъ, читаетъ, но видно, что онъ менѣе спокоенъ, чѣмъ старикъ.

Его каждый разъ какъ будто подмываетъ. Онъ собирается встать, но кажется будто книга притягиваетъ его къ себѣ и онъ попрежнему остается на своемъ мѣстѣ. Онъ какъ-то разсѣянно оглядывается по сторонамъ, губы его дрожатъ. Онъ засматриваетъ часто къ старику, но тотъ его не замѣчаетъ. По лѣвую же руку старика сидитъ уже совсѣмъ молодой человѣкъ, кажется, внукъ старика. Онъ молодъ, красивъ, съ черными вьющимися волосами, съ огнемъ во взорѣ. Онъ тоже читаетъ книгу, но уже совсѣмъ маленькую и держитъ ее очень близко къ своимъ глазамъ. Онъ еще больше неспокоенъ. Онъ часто отрывается отъ чтенія и бросаетъ благоговѣйный взоръ на сидящаго рядомъ съ нимъ старика. Къ отцу же онъ то и дѣло оборачивается съ полуиронической улыбкой на лицѣ. Поминутно онъ засматриваетъ также туда за занавѣсь, откуда доносится какой-то сдержанный стонъ, похожій на стонъ роженицы.

Я хочу кашлянуть, чтобы на меня обратили вниманіе. И въ эту самую минуту подымается край занавѣси и оттуда выходятъ двѣ женщины. Одна старая съ сухимъ, костлявымъ лицомъ и острымъ взглядомъ. Другая помоложе, среднихъ лѣтъ съ заплывшимъ лицомъ и потухшими глазами. Онѣ стоятъ, смотрятъ на своихъ мужей и ждуть, чтобы ихъ о чемъ-то спросили. Но старикъ ихъ вовсе не замѣчаетъ. Его душа витаетъ гдѣ-то далеко. Его мысль слилась съ мыслью автора, котораго онъ читаетъ и онъ забылъ все и вся. А сынъ его—въ нерѣшительности—онъ хотѣлъ-бы сказать что-нибудь старику, но онъ какъ будто боится его разбудить, прогнать его сладкій сонъ. Молодой-же тотъ нетерпѣливъ. Онъ вскакиваетъ:

— Маменька, бабуся, ну что слышно?

Его отецъ встаетъ встревоженный. Дѣдъ же, отодвинувъ книгу, подымаетъ глаза и смотритъ на обѣихъ женщинъ.

— Родила, докладываетъ старуха, стараясь быть сдержанно спокойной, но все-таки съ замѣтнымъ волненіемъ.

— Уже? радуется внукъ.

— Почему же ты не поздравляешь? спрашиваетъ его отецъ, видимо, тоже волнуясь. Старикъ же въ это время что-то соображаетъ и спрашиваетъ:

— Что случилось? О чемъ тутъ сокрушаться? Что такое, если родилась даже дочь...

— Нѣтъ, отвѣчаетъ старуха, родился мальчикъ, но...

— Мертворожденный?.

— Нѣтъ, онъ живъ, отвѣчаетъ старуха. Но въ голосѣ ея слышно какое-то безпокойство.

— Что же, калѣка или уродъ?.

— Нѣтъ... у него какіе-то знаки на обѣихъ плечахъ...

— Какіе же это знаки?

— Крыльевъ.....

— Крыльевъ?

— Да крыльевъ.... И они растутъ....

Старикъ приходитъ въ какое-то уныніе, его сынъ удивленъ. Одинъ лишь внукъ прыгаетъ отъ радости.

— Великолѣпно! превосходно! кричитъ онъ—пускай растутъ, пускай крѣпнуть и сдѣлаются большими, сильными... Отлично! Восхитительно!

— Чему ты такъ обрадовался? спрашиваетъ его отецъ.

— Ужасный уродъ, вздыхаетъ старикъ.

— Почему? спрашиваетъ внукъ.

— Крылья... говоритъ старикъ, крылья поднимаютъ туда,... уносятъ въ высъ. Съ ними на землѣ не усидишь

— Ну, и прекрасно! торжествуетъ внукъ.-- Есть о чемъ тужить! Барахтаться здѣсь въ грязи!... Не лучше-ли тамъ... въ вышинѣ? Вѣдь небо, кажись, красивѣе, лучше несча-

стной нашей земли!

Старикъ блѣднѣетъ, а отецъ молодого человѣка говоритъ:

— Глупое дитя! чѣмъ ты будешь жить тамъ, наверху? Тамъ корчмы не выстроишь, подряда не возьмешь! Даже зайца убитаго и того не купишь.... тамъ, въ вышинѣ... Но тутъ старикъ его перебиваетъ.

— Тамъ въ вышинѣ... нѣтъ ни церкви, ни монастырей, негдѣ помолиться, негдѣ душу отвести. Тамъ нѣтъ также протоптанной дороги... нѣтъ преданій, наслѣдія старины. Тамъ люди блуждаютъ, не зная дороги. Все-таки свободны, рѣютъ въ воздухъ, какъ птицы небесныя. Но горе той свободной птицѣ, въ душу которой закралось сомнѣніе... Горе свободному, познавшему отраву тоски...

— То есть, какъ это? вскакиваетъ моло-

дой, возбужденный, съ горящими глазами. Но раньше, чѣмъ онъ успѣваетъ сказать слово, старуха—бабушка перебиваетъ.

— Глупые мужчины!

Тоже нашли, о чемъ толковать! А это вы совсѣмъ забываете, что священникъ не согласится вовсе крестить такого ребенка? Объ этомъ вы вовсе не подумали?...

Солнечный лучъ, забравшійся въ мою комнату сквозь спущенную штору, заставилъ меня проснуться. Звонъ колоколовъ, праздничный гулъ и суета мигомъ разсѣяли чудное видѣніе минувшей ночи. Да, это былъ сонъ сладкій, чарующій, думалъ я себѣ, но только сонъ... и не больше...

Ц. Гроссъ.

КАЛѢКА.

Я видѣлъ мальчика безъ ногъ,
Надъ жизнью злѣе нѣтъ насмѣшки:
Рукой толкая колесо,
Катился мальчикъ на телѣжкѣ.

Былъ праздникъ пасхи... Яркій день...
Казалось, каждый смѣлъ и воленъ...
Пестрѣла жизнь и гулкой звонъ
Широко падалъ съ колоколенъ.

* *

Самодовольные глупцы!
Что всѣ алмазы и червонцы
Полузавядшему цвѣтку,
Цвѣтку погибшему для солнца?!

И даже лучшій даръ—любовь—
Святое счастье человѣка
Не примѣритъ его съ судьбой:
Онъ не у жизни, онъ калѣка.

Александръ Рославлевъ.

Казалось, счастье близко всѣмъ
И, какъ невидимая птица,
Трепещетъ въ ласковыхъ лучахъ
И оттого такъ свѣтлы лица.

Лишь на мгновенье кто нибудь
Склонялся въ сдержанной тревогѣ
И мягко падали гроши
На искалченныя ноги.

* *

Передь заутреней.

РАЗСКАЗЪ

М. Кларина.

Михаиль Иванычъ Володинъ еще за нѣсколько дней до пасхи рѣшилъ не итти къ Христовской заутрени. И когда его хозяева, у которыхъ онъ занималъ комнату, обратились къ нему съ вопросомъ въ страстную пятницу — пойдеть ли онъ или нѣтъ къ пасхальной заутрени, Михаилъ Иванычъ даже обидѣлся.

— Ну, вотъ, сказалъ онъ, я такъ и зналъ, что вы полѣзете ко мнѣ съ подобнымъ вопросомъ. Какъ мало вы меня знаете! И сейчасъ же прибавилъ:

— Собственно говоря, мнѣ очень нравится пасхальная служба, но я изъ принципа не пойду въ церковь. Я уже около пяти лѣтъ не заглядывалъ въ церковь! похвастался онъ.

— Да, почему же это такъ, батюшка? съ ужасомъ воскликнула старушка-хозяйка. Али ты нехристъ!

— Я уже находился, бабуся! весело отвѣчалъ Михаилъ Иванычъ. Въ духовной семинаріи, когда учился, ни одной простой церковной службы не пропускалъ. Заставляли. Можно теперь и отдохнуть... И не только можно, а даже должно. Старушка покачала головой.

— Вотъ ты какой!..

— Да, вотъ я какой! шуточно пердразнилъ онъ ее.

Вечеромъ, въ страстную субботу, когда въ комнатахъ наступила та благочестивая и предпраздничная тишина, которую можно чувствовать до осязаемости, Михаилъ Иванычъ принялся за работу, или, какъ онъ обыкновенно шутилъ, «настраивалъ себя такъ, чтобы схватить за рога козла своей творческой фантазіи».

— Славно поработается сегодня! подумалъ онъ.

Онъ любилъ тишину. Любилъ ночь таинственную, загадочную. Въ такія ночи онъ отдыхалъ душой, и фантазія его витала въ самыхъ недоступныхъ и заоблачныхъ высяхъ, рисуя красивыя картины и поэтическіе образы... Его не смущало одиночество. Напротивъ, когда онъ былъ одинъ въ своей комнатѣ, все это радовало его... И себя онъ любилъ въ это время больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, тамъ, на народѣ, въ блестящихъ залахъ, переполненныхъ красивыми мужчинами и нарядными женщинами. Въ обществѣ онъ скучалъ, терялся, конфузился, дѣлался какимъ то сѣренькимъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, чужимъ, какъ заброшенное въ страну снѣговъ и бурановъ сѣмячко тропическаго растенія.

Закуривъ папиросу, Михаилъ Иванычъ досталъ изъ письменнаго стола какія-то бумаги и началъ въ нихъ разбираться...

Въ сосѣдней комнатѣ царилъ полумракъ, и предъ иконами теплилась слабымъ брезжущимъ огонькомъ зажженная лампадка. Запахъ деревяннаго масла наполнилъ комнату и ворвался въ открытую дверь комнаты Михаила Иваныча.

Михаиль Иванычъ поморщился.

Почему-то вдругъ ему припомнились стихи, которые онъ училъ въ семинаріи на школьной скамьѣ.

„Какъ эта лампада мерцаетъ и тлѣетъ

„Предъ яснымъ восходомъ зари,

„Такъ ложная мудрость....

Дальше онъ забылъ окончаніе стиха и сталъ припоминать, но память отказывалась ему служить...

Онъ сталъ перебирать въ своей душѣ обрывки воспоминаній, чтобы возстановить картину прошлаго, для чего и по какому поводу заставлялъ его и весь классъ заучивать эти стихи преподаватель словесности...

— «Ложная мудрость... «Ложная мудрость»... А дальше какъ? Мало-по-малу напряженная мысль довела его до возстановленія картинъ изъ далекаго прошлаго, когда онъ былъ «словесникомъ».

Сначала онъ вообразилъ себѣ учителя словесности, красиваго молодого человѣка съ русой бородой и большими голубыми глазами. Онъ стоялъ предъ Михаиломъ Иванычемъ, какъ живой...

— Красивый былъ... Женщины любили! рассуждалъ съ собой Михаилъ Иванычъ. Теперь, говорятъ, онъ ушелъ въ монахи... Странно!..

«Ложная мудрость»... Какже потомъ-то? Онъ потеръ себѣ лобъ, но никакъ не могъ вспомнить, что ложная мудрость...

— Для чего заучивалъ я эти стихи? спросилъ онъ себя. И опять сталъ припоминать...

— Противоположеніе... Сравненіе... Какже называется такой оборотъ рѣчи?

„Какъ эта лампада мерцаетъ...

„Такъ ложная мудрость... мудрость...

Михаиль Иванычъ запнулся.

— Нѣтъ, не могу вспомнить... И зачѣмъ? Зачѣмъ?

Въ сосѣдней комнатѣ послышался шорохъ. Кто-то прошелъ на цыпочкахъ...

— Должно быть, старушка!..

Михаиль Иванычъ снова уткнулся въ бумаги, но безпокойная мысль о недоконченномъ и недоговоренномъ стихѣ гвоздемъ засѣла въ его голову, мѣшая обычному теченію его мыслей.

— Фу, ты чортъ! съ раздраженіемъ проговорилъ онъ.

Въ тотъ моментъ изъ сосѣдней ком-

наты до слуха Михаила Иваныча донесся молитвенный шопотъ старушки.

Словъ онъ не разобралъ, но по интонаціи голоса и тихому страстному шопоту онъ заключилъ, что это была молитва.

— Молится...

Онъ хотѣлъ улыбнуться, хотѣлъ мысленно поиронизировать надъ этимъ, «перезжиткомъ сердца», но вмѣсто того, въ его душѣ проснулось мгновенно мучительное и страстное желаніе самому молиться долго, убѣжденно молиться... И вспомнилось ему дѣтство, милое, дорогое дѣтство. Маленькимъ человѣчкомъ, когда ему исполнилось 13 лѣтъ, онъ вотъ такъ же долго и убѣжденно молился...

Былъ канунъ пасхи.

Въ старомъ, почернѣвшемъ отъ времени, соборѣ толпа «духовниковъ-учениковъ» изъ старшихъ классовъ на перебой перебывали другъ у друга право читать о «Страстяхъ Господнихъ». Въ церкви всего было нѣсколько дряхлыхъ старушекъ, которыя внимательно вслушивались въ мѣрные речитативы вѣрующихъ мальчиковъ. Посрединѣ церкви стоялъ аналой, на которомъ лежала толстая книга въ кожаномъ старинномъ переплетѣ.

Миша, когда наступила его очередь читать, съ трепетнымъ благоговѣніемъ и страхомъ, тоненькимъ, дрожащимъ отъ волненія голоскомъ, запинаясь на удареніяхъ, читалъ изъ этой толстой книги священные эпизоды о послѣднихъ страданіяхъ Искупителя міра. Многого изъ того, что онъ читалъ, Миша не понималъ, но сердце подсказывало ему, что это — нѣчто великое, безконечное, и онъ вѣрилъ въ это нѣчто, вѣрилъ глубоко, какъ будто переживалъ его своимъ дѣтскимъ и любящимъ сердцемъ.

Въ церкви горѣло только нѣсколько свѣчекъ, поэтому полумракъ былъ такимъ таинственнымъ, такимъ мрачно-величественнымъ, что сердце маленькаго Миши, переполненное любовью и вѣрой, трепетало въ благоговѣйномъ религіозномъ ужасѣ... Онъ строго взглядывалъ своими сѣрыми печальными глазами въ лица окружавшихъ его товарищей, когда тамъ поднимались земные разговоры. Глаза его говорили осужденіе имъ за то, что они непристойно вели себя въ то время, когда тамъ, въ глубинѣ вѣсковъ, совершалась тяжелая міровая драма. Въ церковь то и дѣло входили и выходили изъ нея простые, скромно одѣтые люди. Они покупали свѣчи для заутрени. Нѣкоторые изъ нихъ останавливались, вслушиваясь въ мѣрное чтеніе Миши и потомъ уходили...

За часъ до заутрени церковь начала наполняться народомъ.

Пришелъ сѣдой священникъ и, поблагодаривъ мальчиковъ за чтеніе, сказалъ имъ, чтобы они шли въ «бурсу».

Мишѣ не хотѣлось итти въ проклятую «бурсу». Онъ искалъ уединенія. Сердце его, переполненное отъ впечатлѣній прочитаннаго, требовало тишины, размышленія... И онъ спрятался за колоннами старой почернѣвшей церкви...

И, вспомнивъ страничку изъ своего школьнаго дѣтства, Михаилъ Ивановичъ застылъ въ позѣ неподвижной мечтательности...

Злая тягучая тоска охватывала его душу своимъ безжалостнымъ кольцомъ. Сердце ныло...

А изъ сосѣдней комнатки все явственнѣе и явственнѣе неся молитвенный шопоть вѣрующей старушки... И этотъ экзальтированный шопоть беспокоилъ Михаила Ивановича, мучилъ его той вѣрой, которой не было въ немъ самомъ...

Это сознание жалило его сердце, какъ змѣя, причиняя боль и сильнѣе разжигая тоску его сердца.

— И чего она тамъ размолилась? злобно прошепталъ онъ, и у него явилось страстное желаніе крикнуть ей какое-нибудь оскорбленіе...

— Эй ты, кимимора!..

Но разсудокъ былъ сильнѣе злобы. И этотъ разсудокъ говорилъ ему, что эта старушка съ ея вѣрой счастливѣе его, что онъ—жалкій, неудовлетворенный, страдающій человекъ и больше ничего...

— Нервы все! рѣшилъ Михаилъ Ивановичъ. Не надо только думать. Само пройдетъ...

Чтобы заглушить въ себѣ взбудораженные чувства, онъ легъ на кровать и уткнулся въ подушку.

— Хорошо бы уснуть! подумалъ онъ. Забыться отъ роя нахлынувшихъ неотвязныхъ воспоминаній...

Но сонъ бѣжалъ отъ глазъ...

Картины былого вставали предъ нимъ живыми призраками и съ укоризной смѣртели въ его лицо.

Долго лежалъ онъ съ закрытыми, не съ отяжелѣвшими отъ усталости, глазами.

Въ домѣ началось движеніе.

— Должно быть, скоро заутрени! подумалъ Михаилъ Ивановичъ.

Черезъ полчаса мимо его комнаты зашуршали новыя праздничныя одежды...

Хлопнула дверь.

— Пошли къ заутрени... Объ удобномъ мѣстѣ заботятся... И все удобства! Удобства!.. Какіе глупые...

Вскочивъ съ кровати и лѣниво потягиваясь, Михаилъ Ивановичъ остановился въ раздумьи посреди комнаты.

Потомъ онъ прошелъ на кухню.

— Ушли? спросилъ онъ у кухарки.

— Не будутъ же васъ дожидаться!— съ сердцемъ отвѣтила она.

— Я не къ тому!—кратко оправдался Михаилъ Ивановичъ и сталъ умываться.

Освѣженный немного холодной водой, онъ прошелъ въ свою комнату.

Стрѣлка часовъ у будильника приблизилась къ 12.

И вдругъ, среди ночной тишины, раздались мѣрные, торжественные удары колокола на старомъ соборѣ

— Бомъ! Бомъ! Бомъ!..

Перезвонъ колоколовъ, подхватившихъ призывъ стараго дребезжащаго колокола на старомъ соборѣ, заполнилъ воздушное пространство ночи торжественнымъ и величественнымъ гуломъ...

Что то великое, необъяснимое творилось въ природѣ...

— Бомъ! Бомъ! гудѣлъ старый колоколь.

— Бимъ! Бомъ! Бимъ! вторилъ другой нѣжнѣе...

— Бомъ!

— Бимъ!

И, словно по мановенію чародѣя, на колокольняхъ всѣхъ городскихъ церквей загудѣли радостные колокола...

— Бомъ!

— Бимъ!

— Бомъ! Бомъ!

Михаилъ Ивановичъ вздрогнулъ.

Звуки колоколовъ, мѣрные, торжественные, всполошили его встревоженную душу, вызвали въ ней отголоски былого изъ свѣтлыхъ страницъ дѣтской жизни, перевернули его впечатлѣнія и напомнили снова то далекое, то невозвратное, которымъ онъ жилъ и въ которое вѣрилъ, мучительно, страстно вѣрилъ...

— Бомъ! Бимъ! пѣли колокола.

И случилось чудо... Колокола зажгли въ немъ угасшую вѣру!.. Михаилъ Ивановичъ нервно началъ одѣваться, торопясь и спѣша на призывные звуки колоколовъ...

Мысль его была въ храмѣ, гдѣ несутся теперь чудные гимны любви и свободѣ, жизни и возрожденію...

— Христось воскресъ!.. Во истину воскресъ!..

А удары колоколовъ поднимались все выше и выше, къ самому небу, гдѣ живутъ и радуются ангелы...

— Бомъ! Бомъ! звучалъ старый колоколь.

• Торопливо, возбужденный и радостный, Михаилъ Ивановичъ накинулъ на себя плащъ и выбѣжалъ на улицу.

— Куда?..

Онъ пріостановился...

— Да!.. Да!.. Въ старый соборъ!.. Молиться! Молиться... Я хочу вѣрить. Я давно... давно не молился!—возбужденно шепталъ онъ.

Музыка колоколовъ не прекращалась...

— Бомъ! Бомъ! гудѣлъ старый колоколь.

— Бимъ! Бомъ! вторили нѣжно другіе колокола.

И было что то торжественное, непередаваемое въ природѣ, что то неизъяснимое, безмѣрное...

Михаилъ Ивановичъ вошелъ растроганнымъ на паперть стариннаго собора, изъ алтаря котораго лились полныя всепрощающей любви слова:

— Христось воскресе!

Онъ протиснулся впередъ, въ церковь, наполненную молящимися, среди которыхъ больше было простого и сѣраго люда.

И опять онъ вспомнилъ ту маленькую старую почернѣвшую церковь, въ которой онъ, 20 лѣтъ тому назадъ, читалъ толстую кожаную книгу...

— Какъ это было давно и въ то же время недавно!

Скоро лѣсъ опять проснется,
Зацвѣтетъ зеленый лугъ
И сердечко вострепнется
У тебя, мой бѣдный другъ!
Вешней лаской отогрѣта
Сбросить даль окувы сна, —
Сколько счастья, сколько свѣта
Принесетъ тебѣ весна.
Скоро садъ зазеленѣетъ,
Зашумятъ опять ручьи
И весенній шумъ развѣетъ
Думы грустныя твои.
Чаще солнышко заглянетъ
На родную ширь полей,
И тепло, и ясно станетъ
На душѣ тогда твоей.

Алексѣй Грунинъ.

Передъ моими глазами вашъ портретъ, единственная дорогая для меня вещь, такъ какъ мнѣ ничего не надо.

Гляжу я на ваши черты и въ памяти, какъ на полотнѣ кинематографа, вибрируя, смѣняются картины за картиною изъ прожитаго.

Вспомнилась мнѣ южная осень; вспомнилась встрѣча, когда я въ первый разъ увидалъ васъ, вполне сформировавшуюся барышню.

Какъ сейчасъ помню начальныя фразы нашего разговора. А тамъ позднія совмѣстныя прогулки по залитому фосфорическимъ

свѣтомъ луны нашему маленькому милому тогда мнѣ городку К...

Вспомнились и нескончаемые разговоры. Какъ богаты были наши мечты и какими наивными кажутся мнѣ теперь наши планы и надежды, надежды на совершеннѣйшее спокойное будущее...

Сильна была тогда въ васъ вѣра въ людей, глубока была и любовь къ человѣчеству. «Религія человѣка,—говорили вы, — любить человѣка».

Особенно ясно я помню одинъ день, когда вы были особенно хороши въ своемъ простомъ, но изящномъ туалетѣ.

Полная силъ, вы дышали жизнью и счастьемъ, и лишь въ глубокихъ очахъ было что то непонятное, какъ бы недоговоренное...

Я стоялъ, какъ замороженный...

И, какъ больной, безотчетно слѣдуя своей *idée fixe*, ринулся къ вамъ и дерзнулъ... поцѣловать... Вы не противились,— и отъ счастья у меня застучало въ вискахъ, мозгъ горѣлъ, я былъ близокъ къ обмороку...

Въ этомъ поцѣлуѣ вылилась вся скопившаяся энергія моего перваго искренняго чувства.

Несчастный, я забылъ совершенно, что когда вы были сама жизнь, я ею же былъ отравленъ и физически медленно тлѣлъ.

Какъ зигзагъ молніи, скользнула у меня мысль отказаться отъ счастья.

И я отрекся отъ васъ, не сказавъ вамъ и слова въ объясненіе.

Я помню на вашихъ рѣсницахъ росинки, я помню выраженіе вашего лица, которое говорило о какой то разсѣянности и безпомощности

Я умышленно потерялъ васъ изъ виду.

Пробѣжали годы, и вчера случайно я увидѣлъ васъ,

Вы проѣзжали съ какимъ то мальчикомъ, быть можетъ, вашимъ сыномъ.

Я чуть не побѣжалъ за экипажемъ, но ноги не слушаются меня давно, хотѣлъ крикнуть, но уже почти два года я могу издать лишь хрипъ, понятный мнѣ одному.

Я хочу васъ видѣть.

Я займу еще немного дней у жизни..

Придите, я хоть взгляну на васъ...

И она пришла... пришла съ сыномъ, чтобъ показать ему свое счастье, но... поздно!..

Владимиръ Омуть.

Объ Алешкѣ, поповскомъ сынѣ и Поленицѣ прекрасной.

Былина Петра Муринскаго.

Чуть утихнула пороша
И за лѣсомъ разсвѣло,
Изрядилъ коня Алеша
Въ богатырское сѣдло.
Скрылъ броню кафтаномъ алымъ,
Кудри на плеча легли,
И пушить ихъ вѣсомъ малымъ
Шляпа греческой земли.
Конь дороденъ и послушенъ,
А попался бѣ ворогъ вдругъ,—
Полнъ переныхъ стрѣлъ налушенъ*),
Долгомѣренъ**) турій лукъ.
Князь Алешей удовольень,
Не обноситъ чарой зря;
Потому то буйно-воленъ
Громкій свистъ богатыря!..
Вдругъ онъ зреть; вдали, какъ птица,
Что летитъ въ весенній лѣсъ,
Удалая Поленица***)
Мчитъ ему наперерѣзъ.
Вьетса снѣгъ струею зыбкой...
— Боже, что за басота!..****)
Шепчуть съ радостной улыбкой
Богатырскія уста.
Не видалъ такого дива
Я доселѣ и во снахъ;
До чего жъ она красива—
Ажно меркнетъ свѣтъ въ очахъ!..
Хороша и въ самомъ дѣлѣ,
Какъ копье сама пряма,
Разлеглась на бѣломъ тѣлѣ
Голубая нахтарма.*****)
Мощь взяла у бурелома,
Ликъ, что польмя, румянъ,
И, змѣясь, изъ подъ шелома
Вьются косы до стремянъ.
Мигомъ палъ Алешка на земь,
Руки одалъ распростеръ,
Хоть бы ставить, что надъ княземъ,
Бѣловерхатый шатеръ.
И ему смѣется дѣва,
— Ты, знать, молодець, удалъ,
Коль безъ бою, вмѣсто сѣва,
Камнемъ въ борозду упалъ.
Аль въ ночи за бурей-мглою,
Конскимъ шагомъ мѣря ширь,
Подцѣпилъ тебя стрѣлою
Замѣсть зайца богатырь?
Взговорилъ въ отвѣтъ Алеша:
— Не пораненъ я во мглѣ,
Токмо горе, словно ноша,
Тянетъ молодца къ землѣ!
Не страшны доселѣ мнѣ были
Ни шалыги*****), ни мечи,
А сразить меня сразили
Звѣздныхъ глазъ твоихъ лучи.

*) Колчанъ.
**) Далеко мечеть стрѣлы.
***) Богатырица.
****) Красота.

Глубоко прожгли мнѣ душу,
Что гроза могутный дубъ,
Въ твой полонъ пойти не струшу
На смерть бей... аль приголубь!
И, вскочивъ на рѣзвы ноги,
Ломитъ витязь лукъ тугой,
Закидаетъ за дороги
Свой налушенъ дорогой.
— Не хочу съ тобою биться,
Ты мнѣ врагъ не по плечу,
А любви твоей добиться,
Больно, дѣвица, хочу!
Не надъ зыбкой мать вѣщаетъ,
Не въ камняхъ звенитъ ручей,
Поленицу улещаетъ
Нѣжность ласковыхъ рѣчей.
Чуть дыша надъ конской гривой,
Сладкой ожутью полна,
Словно цвѣтъ вспоенный нивой,
Рдѣетъ радостью она.
Дрожью сердце издрожало,
И рука, какъ не своя,
До земли склоняетъ жало
Мурзамецкаго копья.
И Алеша льнетъ къ ней тихо
Съ усмирительной мольбой;
— Аль на счастье, аль на лихо,
Но поѣду я съ тобой.

.

Князь Владимиръ и дружина
Званный пиръ ведутъ съ утра,
Льются пѣнистыя вина
Гости здравствуютъ добра.
Пиръ въ полъпирѣ, хмель въ полъхмель,
Рѣчь о гридняхъ завелась:
— Что Алешу съ той недѣли
Не видалъ я, молвить князь.
Онъ недужень, може, чаю?
А Илья ему въ отвѣтъ:
— Я другое примѣчаю,
Почему Алешки нѣтъ.
Де сыскалъ онъ лихоманку,
Бабъ онъ любитъ, рыжій песь,
И съ собою полонянку
Черноокою привезъ.
— Кабы мнѣ не брать онъ, княже,
И старикъ махнулъ рукой,
Я бѣ училъ его на стражѣ
Подорожною клюкой!
Всласть бы такъ ему отвѣсилъ,
Да бѣда, что атаманъ
Самъ съ утра безъ мѣры весель,
А къ полночи вовсе пьянъ.
Не въ обиду молвить надо:
Коли гдѣ пастухъ хорошъ
Тамъ, съ пути-дороги стадо
Не попретса, княже, въ рожь!

*****) Непушистая сторона мѣха окрашенная въ голубой цвѣтъ.
*****) Шелопуга, плеть съ кускомъ свинца на концѣ.

СТРАННАЯ ЛЮБОВЬ.

РАЗСКАЗЪ.

Послѣднею лихорадочною эксцентричностью Луизы Чима былъ японизмъ. Эта прелестная молодая женщина всегда хотѣла быть оригинальной. Предполѣднее ея увлеченіе было составленіе громадной коллекціи почтовыхъ марокъ. Весь этотъ годъ она охотилась за почтовыми марками съ какою-то почти дикою страстностью, постоянно выходя побѣдительницею изъ самыхъ жесточайшихъ состязаній съ другими собирателями подобныхъ коллекцій. Но и это ей наскучило. Она объявила, что нѣтъ ничего глупѣе собиранія коллекцій почтовыхъ марокъ, и что каждый, кто имъ занимается, настоящій кретинъ. Упомяну еще объ альпинизмѣ, увлекшемъ ее настолько, что она побѣдила свою природную лѣнь, одѣлась во все сѣрое, обулась въ подбитые желѣзными гвоздями сапоги, надѣла голубые очки, запаслась альпійскою палкою и послѣдовательно взошла сначала на наиболѣе доступныя вершины, а затѣмъ и на самыя недоступныя. Впродолженіе этого періода она ходила по камнямъ и по льду, спала во всѣхъ горныхъ пристанищахъ и отмѣчала въ своемъ дневникѣ самое опасное изъ всѣхъ европейскихъ восхожденій. Совершивъ это послѣднее восхожденіе, она возвратилась домой съ облупившимся отъ холода лицомъ и съ сильнымъ воспаленіемъ глазъ, отправила на покой свой альпійскій костюмъ и объявила себя поклонницей равнинъ. Послѣ этого она прожила нормальной жизнью всего лишь два мѣсяца. Затѣмъ жизнь эта показалась ей невыносимо безцвѣтною, глупою и стѣснительною. На счастье спасительницею ея отъ однообразія и вульгарности явилась новая, внезапно обуяла ее страсть къ японизму. Луиза всегда воспламенялась какою-нибудь милою невинною фантазією.

Страсть эта зародилась въ ней слѣдую-

щимъ образомъ.—Нѣкій Паоло Каллманьо, флотскій офицеръ и другъ дѣтства Луизы Чима, возвратясь изъ кругосвѣтнаго плаванія, между прочими подарками привезенными имъ для нея изъ жаркихъ восточныхъ странъ, привезъ ей также и японскій костюмъ. Это креповое платье было вполне японскаго покроя: оно имѣло разрѣзъ напередѣ и надѣвалось какъ шлафрокъ, затѣмъ скрещивалось на груди, немного открывалось спереди у ногъ, образуя сзади круглый узкій, короткій шлейфъ. Поясъ замѣнялъ широкій обматывавшійся два раза вокругъ таліи и завязывавшійся позади большимъ бантомъ кушакъ. Но всего оригинальнѣе и красивѣе были его широкіе, имѣвшіе не то квадратную, не то треугольную форму рукава, то приподнимавшіеся словно крылья и открывавшіе всю руку до самаго плеча. Проймы были вырѣзаны съ такимъ расчетомъ, чтобы упругостью бюста можно было дразнить аппетитъ мужчинъ, когда же руки были опущены, то они покрывались до кончиковъ пальцевъ. Увидѣвъ это платье, Луиза Чима тотчасъ же поспѣшила въ свою комнату, чтобы его примѣрить, рѣшила, что оно очаровательно по своей оригинальности. Порозовѣвъ отъ удовольствія, пошла показаться въ немъ Паоло Каллманьо, причемъ прошла передъ нимъ три или четыре раза по комнатѣ, поклонилась ему по японски и затѣмъ съ очевидною тревогою спросила его, неужели она не похожа въ этомъ платьѣ на настоящую японку. Надо сказать, что Луиза Чима была средняго роста, тогда какъ японки вообще очень малы ростомъ, что ножки у нея были стройны, ровны и продолговаты, между тѣмъ какъ у японокъ онѣ круглы и коротки: правда, что она была блѣдна, какъ японка, но цвѣтъ лица ея вовсе не былъ желтоватъ, а глаза были велики и открыты и не имѣли страстнаго,

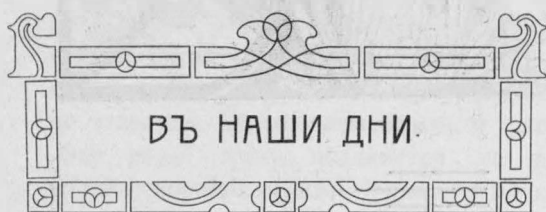
присущаго одной малайской расѣ, уклону по угламъ и тѣхъ оригинальныхъ бровей, какія обыкновенно бываютъ у японокъ. Паоло нашель ее прелестною. Она показалась ему такою граціозною, когда ходила вокругъ него въ своемъ новомъ одѣяннѣ, что онъ, не колеблясь ни минуты, поклонился ей, что она самое очаровательнѣйшее изъ всѣхъ прелестныхъ созданій, появляющихся на ночныхъ празднествахъ въ предмѣстьяхъ Іеддо. — Паоло, Паоло, найди мнѣ скорѣй японское имя, говорила Луиза, сильно волнуясь подъ вліяніемъ своего новаго эксцентричнаго увлеченія японизмомъ. Вся обстановка черезъ двѣ недѣли въ квартирѣ была въ мнимо японскомъ стилѣ. Паоло Каллманьо послѣ cadaго посѣщенія своей подруги дѣтства привязывался къ ней все сильнѣй и сильнѣй и всегда сообщалъ ей объ этомъ; она тоже полюбила его немножко и слушала его весьма охотно, лишь бы онъ рассказывалъ ей про любимую, дорогую Японію. Она брала Паоло за руку и пресерьезно водила по комнатамъ, заставляя его любоваться всѣмъ.—Нравится это тебѣ, спрашивала она его, вся поглощенная своею очаровательною маніей. Онъ былъ доволенъ тѣмъ, что внушилъ ей такое страстное и интересное увлеченіе. — А что же имя, какое же тебѣ выбрать имя, говорилъ онъ, слѣдуя за нею посреди этого прекраснаго олицетворенія экзальтизма.—Мы его найдемъ, отвѣчала Луиза Чима. И они нашли его вмѣстѣ. Они прочли рассказъ Пьера Лоти, сидя въ лѣтніе вечера на террасѣ, напоенной ароматомъ жасмина, такъ близко другъ къ другу, что ихъ склоненные головы почти соприкасались. Пьеръ Лоти былъ такъ же морскимъ офицеромъ, и онъ уѣзжая, такъ же оставлялъ на родинѣ дорогихъ для него людей, а между тѣмъ онъ также любилъ и страну крошечныхъ жен-

щинъ, и бѣлизну ихъ желтаго тѣла. Паоло и Луиза были влюблены другъ въ друга, но не говорили объ этомъ и это имъ казалось тѣмъ восхитительнѣе, что они пользовались полной свободой и были совершенно одиноки. Прочитавъ Пьера Лоти и его исторіи любви на Дальнемъ Востоку, — рассказы столь нѣжны и увлекательны — что Луиза и Паоло пожелали ихъ перечестъ во второй разъ. И подмѣтивъ очень скоро, что многія имена японокъ соотвѣтствуютъ названіямъ цвѣтовъ, Луиза тотчасъ же выбрала себѣ имя Гелеотропъ. Этотъ цвѣточекъ съ его блѣдно-лиловымъ цвѣтомъ и столь нѣжнымъ, хотя и сильнымъ запахомъ, сталъ ея цвѣткомъ, и она иначе не подписывалась и не желала, чтобы ея называли иначе, какъ Гелеотропъ. Но оказалось, что Паоло Каллманьо влюбился въ нее серьезно и, не будучи въ состояніи молчать, сказалъ ей объ этомъ. Она выслушала признаніе со смѣшаннымъ чувствомъ радости и грусти, впрочемъ она давно знала объ этомъ чувствѣ и была также влюблена въ Каллманьо. Раньше, когда они были оба еще молоды, она не дала воли зарождавшемуся въ ней чувству симпатіи потому, что не хотѣла имѣть жениха или мужа, который долженъ былъ бы часто уѣзжать и оставаться подолгу вдали отъ родины. Она ему даже и сказала объ этомъ. Въ любви, какъ и во всемъ другомъ въ жизни, она желала имѣть или все или ничего. Паоло рѣшилъ отказаться отъ нея, тѣмъ болѣе, что чувство его не было еще достаточно сильно и онъ страстно любилъ свою службу. Луиза Чима вышла замужъ въ минуту безумнаго увлеченія одною изъ своихъ маній за человѣка бывшаго, какъ ей казалось, гениальнымъ лидеромъ сильной партіи, такъ какъ въ это время она только и думала о политикѣ и жила лишь политикою. Страдалъ ли тотъ, кто въ это время путешествовалъ въ дальнихъ странахъ, когда прочелъ въ какой-то газетѣ о этой свадьбѣ извѣстіе. Кто знаетъ. Онъ просилъ назначеніе въ дальнее плаваніе и получилъ его, а между тѣмъ три или четыре года спустя гениальный политикъ, избранный Луизою Чима, умеръ въ Римѣ въ три дня, сраженный и унесенный въ могилу злокачественнымъ тифомъ и Луиза Чима была чрезвычайно экстравагантною женщиною, но вѣрною женою... Вдовою надѣлала массу послѣдовавшихъ одна за другою оригинальностей, но любовниковъ не имѣла. Постепенно прежнія дружескія отношенія между Луизою Чима и Паоло Каллманьо возобновились и съ каждымъ его пріѣздомъ на родину становились все сердечнѣе. И только теперь, когда они оба были не очень молоды, онъ въ первый разъ заговорилъ съ нею о любви страстно и настойчиво. Она тоже его любила и призналась ему въ томъ съ улыбкою, выказывавшею ея прелестные бѣлые зубки, но глаза ея были въ то же время полны слезъ. И что же. Она заключила съ Паоло чрезвычайно странный договоръ, безъ чего

она не согласилась бы принадлежать ему. Она прочла въ романѣ Лоти о бракахъ, заключаемыхъ морскими офицерами съ нѣкоторыми изъ этихъ крошечныхъ женщинъ съ маленькими изумленными глазками и крохотными, не умѣющими ходить ножками. Браки эти, какъ извѣстно, дѣйствительны на все время пребыванія въ Нагасаки или Йокагамѣ, потомъ военный пароходъ получаетъ приказъ выйти въ море и супруги разлучаются, чтобы никогда болѣе не видѣться, безъ слезъ и безъ вздоховъ. Развѣ не въ этомъ заключается суть столь прекраснаго и своеобразно-грустнаго романа Лоти. Полушутя, полусерьезно она предложила тѣ же условія Паоло Каллманьо, словно они находились тамъ на Востоку, въ одномъ изъ тѣхъ крохотныхъ домиковъ изъ бѣлаго дерева, которыхъ единственнымъ украшеніемъ служатъ плетенныя циновки, да чайныя шкатулки. Онъ полусерьезно, полушутя отказался, говоря, что она вовсе не очаровательная и вѣтряная японочка, на которой можно было-бы жениться и оставить ее шесть мѣсяцевъ спустя, послѣ чего она тотчасъ же совершенно серьезно разсердилась и объявила, что въ такомъ случаѣ ни на что не согласна. Она заявила, что чувствуетъ себя японкой до конца ногтей и поэтому желаетъ поступать такъ, какъ всѣ японки, если Паоло на это не согласенъ, то она не приметъ никакихъ другихъ условій. И сверхъ того — и тутъ онъ понималъ, что въ словахъ ея была доля затаенныхъ страданій, — она не желаетъ связать себя навсегда съ человѣкомъ, который долженъ уѣхать и оставаться долго вдали отъ родины. Въ такомъ случаѣ ужъ лучше любить шутя, на японскій ладъ, лучше сочинить маленькій обманъ безъ послѣдствій. Когда выйдетъ приказъ отправляться въ море, ни онъ, ни она не будутъ страдать и оба сохранятъ другъ о другѣ пріятное воспоминаніе. Увы! Паоло согласился принять ея условіе, такъ какъ онъ сильно ее любилъ, любилъ всю жизнь, въ глубинѣ души мечталъ о ней одной въ долгіе годы своихъ странствованій. Она была неотразимо очаровательна и наконецъ потому, что чувствовала себя любимой. Какой мужчина, ради обладанія любимой женщиною, не согласится на какія-бы то ни было условія съ тайнымъ желаніемъ и надеждою, что условія эти, по волѣ судьбы и по желанію любимой имъ женщины, не будутъ выполнены. Онъ принялъ любовь такую, какою ему предлагала его очаровательная Гелеотропъ. Луиза Чима точнѣ держала условіе потому что она любила съ большимъ убѣжденіемъ, и можетъ быть, глубже. Дѣло въ томъ, что Паоло Каллманьо, хотя и былъ страстно влюбленъ въ Гелеотропъ, но вовсе не боялся своего отъѣзда. Онъ зналъ, что условіе разстаться, разойтись навсегда такъ, чтобы ни одно письмо, ни одно извѣстіе не дошло отъ одного къ другому, не могло быть выполнено. Онъ зналъ, что онъ всю жизнь будетъ любить свою первую и по-

слѣдную подругу, какъ вблизи, такъ и вдали отъ нея, и что вернется къ ней съ болѣе яркимъ пламенемъ въ сердцѣ любви. Не такъ думала очаровательная Гелеотропъ. Казалось, что она была вполне убѣждена, что ихъ временная связь окончится черезъ небольшой промежутокъ времени, чтобы никогда, никогда болѣе не возобновиться, поэтому она полнѣе отдавалась чувству и вмѣстѣ съ тѣмъ говорила о своемъ будущемъ житѣ безъ Паоло совершенно свободно. Когда двое людей любятъ другъ друга, то ихъ ничто не разлучитъ, думалъ Паоло, не исключая ихъ собственной воли, слѣдовательно условія ихъ договора не будутъ выполнены. Теперь понятно, почему при извѣстіи, что Паоло долженъ будетъ уѣхать черезъ мѣсяць, Гелеотропъ смертельно поблѣднѣла, словно она разставалась съ жизнью, тогда какъ Паоло, хотя и былъ грустенъ, но все же его оживляла постоянная надежда вновь свидѣться, которая никогда не покидала его. Въ продолженіе этого мѣсяца Луиза Чима — была такъ нѣжна и кротка, что Паоло становилось больно — то нервно оживлена, то грустна и томна, въ чемъ и отражалось двойственное и мучительное состояніе, переживаемое въ глубинѣ души. Она цѣлыми днями просиживала возлѣ Каллманьо столь-же блѣдная, какъ и ея блѣдно-лиловое платье, не разговаривая съ нимъ, а только держа его руку въ своей и куря изрѣдка сигаретку съ опиумомъ, чтобы успокоить свои нервы, причемъ она приказывала ему замолчать каждый разъ, какъ онъ открывалъ ротъ. Онъ хотѣлъ говорить съ нею о своей любви, сказать ей, что заключенное ими условіе не существуетъ, что онъ унесетъ съ собою далеко, далеко образъ нѣжно имъ любимой женщины и вернется къ ней еще болѣе влюбленнымъ и будетъ ее любить до гроба и за гробомъ. Но едва онъ заговаривалъ съ нею о любви своей, она начинала также сильно волноваться и онъ не смѣлъ продолжать. Изъ нихъ двоихъ она то старалась казаться веселою, что было очень грустно видѣть, то выказывала притворное равнодушіе, то упорную холодность, тогда какъ въ немъ была неподдѣльная грусть человѣка, который хотя и страдаетъ, но все не теряетъ надежды. Гелеотропъ сдержала свое слово: она не плакала, не испустила ни одного вздоха, но ея блѣдность заставляла за нее бояться. Она сильно похудѣла, а блѣдныя ручки едва имѣли силы приподняться изъ подъ широкихъ рукавовъ, чтобы обнять въ послѣдній разъ милаго. Конецъ любви, прошептала она въ то время какъ онъ исчезалъ изъ ея глазъ. Плаваніе броненосца, на которомъ уѣхалъ Паоло Каллманьо продолжалось долѣе, нежели онъ рассчитывалъ, но всѣ свободные часы онъ дарилъ любимой женщинѣ, оставленной на родинѣ, онъ думалъ только о ней. Плаваніе сильно затянулось. Что за бѣда. Онъ былъ влюбленъ и вѣренъ ей, слѣдовательно, уговоръ ихъ не существовалъ. Паоло

же не писалъ ей, какъ она этого желала. Онъ и не получалъ также отъ нея вѣстей, потому что она не хотѣла писать ему. Но былъ увѣренъ, что увидится съ нею по своемъ возвращеніи. Въ одномъ изъ портовъ онъ получилъ наконецъ отъ нея извѣстіе. Это было крошечное письмо, написанное рукою умирающей на твердой японской бумагѣ. Въ немъ заключались слѣдующія слова. „Конецъ любви и жизни! Гелеотропъ“.

„Работаетъ фантазія ли въ насъ,
Иль крѣпнеть умъ,
Иль онъ слабѣетъ?
Разсудокъ мой нѣмѣетъ!
Рѣшите вы на этотъ разъ...“

— Петръ Николаевич!—обращается ко мнѣ одинъ изъ близкихъ моихъ друзей.— Ты сегодня свободенъ?

— Свободенъ. А что?

— Не хочешь ли, поѣдемъ въ общество символистовъ?

— Что такое?—спрашиваю я, не понявъ о какомъ обществѣ говоритъ мой пріятель.

— О! Ты еще не слыхалъ объ этомъ обществѣ? Весьма, братъ, интересное! И разъ ты свободенъ, то поѣдемъ! Я покажу тебѣ до чего разыгрываются умы у современныхъ психопатовъ, до чего дошла фантазія въ наши дни.

— Что же, поѣдемъ. Меня знаешь, это очень заинтересовало. «Общество символистовъ»! Что же это такое?!

— Да вотъ увидишь! Идемъ. Теперь какъ разъ половина восьмого, а въ восемь у нихъ начинаются представленія.

— Это что же? Какое нибудь драматическое общество?

— Да нѣтъ же! Увидишь!

— Ну хорошо! Только вѣдь я немного изъ трусливаго десятка, и къ тому же я... женатъ!...—заявилъ я немного смущаясь.

— Ха, ха, ха! Ты что же, думаешь я тебя поведу въ какое нибудь общество «Берендеевъ» или «Умерщвленія духа и возстановленія плоти»? Нѣтъ, успокойся! Это общество другого рода. А если ты и боишься, то когда мы туда придемъ—держись за меня; я то вѣдь стрѣляная птица! А кстати «о Берендеяхъ». Ты вѣдь знаешь, что это за общество?

— Н-нѣтъ! Такъ слыхалъ немного. Это что-то по просту говоря, вродѣ домовъ терпимости!...

— Да, только съ особымъ оттѣнкомъ и другимъ названіемъ; но объ немъ я тебѣ расскажу какъ нибудь въ другой разъ, а теперь же идемъ.

— Видишь ли, это общество символическое устроила жена одного доктора-психиатра—началъ мнѣ рассказывать пріятель, когда мы отправились.

— По ихъ мнѣнію наша рѣчь и не благозвучна, и не такъ сильно и ярко можетъ выражать чувства и настроенія, къ тому же слишкомъ длинна, почему требуетъ много времени при разговорѣ. Ну вотъ они и придумали въ нѣсколькихъ звукахъ выражать свои чувства, декламировать цѣлыя стихотворенія и пр.

— Мм... Это я не совсѣмъ понимаю!

— О! Весьма, весьма интересно! Да сейчасъ ты все самъ увидишь и услышишь!

— Вотъ уже и пришли... раздѣвайся... Да ты не прихорашивайся, все равно тебя нико не увидитъ и смотрѣть на тебя никто не станетъ!—остановилъ меня мой спутникъ, когда я взялся было причесывать волосы.

— Идемъ!...

Мы вошли въ большую комнату, едва освѣщенную. Дѣйствительно, пріятель мой былъ правъ. На насъ никто не обратилъ никакого вниманія, какъ будто и не замѣтили, что мы пришли.

Напрягая глаза, чтобы что нибудь разобрать, такъ какъ въ комнатѣ было почти темно, я сталъ замѣчать, что видъ у этой комнаты былъ какой-то необыкновенный. Стулья были поставлены вверхъ ножами, стола совсѣмъ не было, на полу же былъ разосланъ коверъ, на которомъ и сидѣли всѣ присутствующіе.

Тишина...

Вдругъ на потолокъ зажглась красная лампочка и яркимъ снопомъ красныхъ лучей освѣтила возвышеніе, на которомъ, въ какой-то странной позѣ лежалъ господинъ, причемъ ноги его были на тахтѣ, голова же на полу и какъ то поднималась кверху.

— Это Бальмонтъ,—шепнулъ мнѣ пріятель, дергая меня за рукавъ.

«Дра... ттра... мрра... грра... та... фрутъ... джи!...— произнесъ Бальмонтъ. Лампочка потухла.

Эти странные, рѣзкіе звуки, я не могу назвать ихъ словами, не были похожи не только на голосъ человѣка, но и даже на мычаніе или шипѣніе какого нибудь животнаго. Это было что-то особенное, че-

го я какъ тогда, такъ и теперь еще понять не могъ. Какъ ошпаренный сидѣлъ я на полу, до того поразили меня эти звуки.

Послышалось шевеленіе. Снова зажглась лампочка и на этотъ разъ снопомъ зеленыхъ лучей освѣтилъ какую-то женскую тощую фигуру, одѣтую въ длинное, свѣтло-зеленаго же цвѣта, платье, фасона котораго мнѣ никогда еще не приходилось видѣть. Волосы этой женщины были какъ-то спущены на уши и до половины закрывали собой щеки, такъ что лицо имѣло видъ какой-то длинной блѣдной полосы, продолженіе которой составляла такая же длинная, тонкая фигура.

Эта женщина, положительно, имѣла видъ какого то мифа, но никакъ не человека.

«Ни мнить ни мнѣтнее, отфраксить пнафтное, ктьюфы!...»—и сказавъ эту чудовищную фразу, какимъ то тягучимъ тономъ, дѣвица скрылась въ туманѣ свѣтло-зеленыхъ лучей.

Въ комнатѣ снова стало темно.

Шепотомъ я обратился къ своему спутнику съ просьбой объяснить мнѣ значеніе этихъ нелѣпыхъ словъ.

— Милый мой, я никакъ не могу что либо объяснить тебѣ, ибо самъ не понимаю.

— А можно спросить кого нибудь изъ присутствующихъ?

— Попробуй, только врядъ ли тебѣ отвѣтятъ.

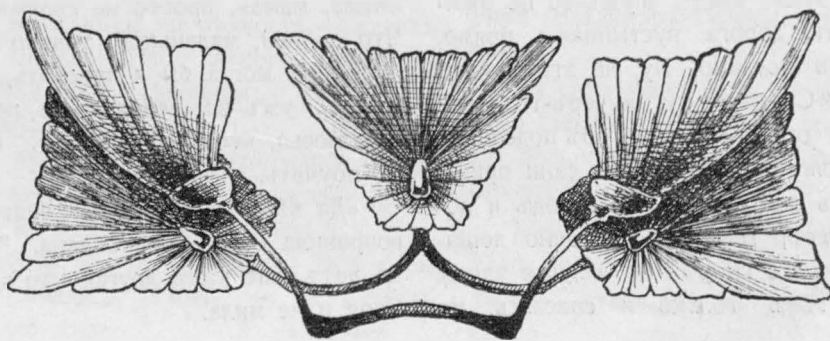
Мной овладѣло страшное любопытство; потерявъ всякій страхъ я обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ своей сосѣдкѣ, но послѣдняя даже не пошевелинулась. Тогда я попробовалъ обратиться къ какому то господину, въ надеждѣ хоть отъ него что нибудь узнать, и вдругъ на мой вопросъ послѣдовалъ какой-то тихій лепетъ «мтъя»!

Тутъ я больше не выдержалъ. Для меня довольно было и этихъ минутъ, проведенныхъ въ какомъ-то оцѣпененіи. Я не могъ рѣшить, люди ли это земли или какой нибудь другой планеты, или же просто сумасшедшіе.

Потихоньку пробрался я въ переднюю и затѣмъ поспѣшно бросился на улицу...

— Гдѣ разумъ нашъ! Гдѣ человѣкъ!—хотѣлось мнѣ крикнуть... Мысль мою прервалъ раздавшійся сзади меня гомерическій хохотъ...—Ха, ха, ха! Петръ Николаевич! Каково! Ха, ха, ха!..

Б. З.

ВЪ СЕМЬѢ.

(Э С К И З Ъ).

«Три раза хотѣлъ покончить съ ней, разъ ей въ лобъ тяжелый подсвѣчникъ запустилъ, другой разъ взялъ лошадей... лошади то у него были горячія... сѣлъ съ ней въ сани, да кучеру велѣлъ пустить ихъ во всю, да отъ города свернулъ лѣсомъ... какъ въ глухое мѣсто заѣхали, такъ велѣлъ остановиться... хотѣлъ, значить, чтобъ думали, что лошади разнесли, а самъ кучеру пригрозилъ или пообѣщалъ, ужъ не знаю, что они тамъ промежъ собой поговорили, только велѣлъ ее возжами опутывать... возжами удушить хотѣлъ...»

Полная красивая женщина пріостановилась, перевела духъ. «Хорошо у васъ здѣсь на балкончикѣ-то, сказала она, обводя глазами чайный накрытый столъ съ самоваромъ и печеніями и отдѣлявшіяся отъ стѣны снаружи и внутри вьющіяся растенія.

«А муженекъ вашъ сегодня изъ города пріѣхалъ».

— Какъ же. Онъ на рѣку пошелъ съ дѣтми. Доканчивайте, Ольга Александровна, попросила хозяйка, маленькая бѣлокурая женщина съ большими мечтательными глазами. Что-же было дальше.

«Да что же, равнодушно растягивая слова, продолжала Ольга Алексѣевна, вѣдь кругомъ ни души. Только трое ихъ: мужъ, кучеръ и она. Думала, пришелъ конецъ, перекрестилась. А вдругъ, откуда ни возмись большущій обозъ ѣдетъ. Мужъ-то не ожидалъ, думалъ, дорога пустынная... прямо, какъ небомъ послано. Ну, на этотъ разъ и обошлось. Съ перепугу, кучеръ-то давай людей звать отъ обоза-то, чтобъ подсобили лошадей впрячи. Какъ только сани приготовили, такъ они назадъ въ городъ и покатали. Кучеръ, говорилъ, нарочно лошадей гналъ, чтобъ скорѣй на людныя улицы выѣхать... тѣмъ только и спаслась. Не

обозъ бы—такъ не сдобровать. Кучеру не малая сумма за молчаніе была обѣщана».

— Господи, какая жизнь.

«А въ третій разъ заперъ ее въ комнату и застрѣлить хотѣлъ... люди помѣшали, столпились у дверей... дверь выламывать».

— И неужели все это ему сходило безнаказанно?

«А то какъ-же. Прислуга-то все своя, чуть не испоконъ вѣку въ домѣ жили, за дарены»...

— И неужто она осталась съ нимъ?

«Да что же это вы, Нина Александровна, мужъ вѣдь... По закону вѣнчаны... праві»...

— При чемъ тутъ праві!

«Эхъ вы, чуть не съ презрѣніемъ протянула Ольга Алексѣевна. Ужъ у насъ въ роду такія женщины, поучительно и съ достоинствомъ начала она. Скажутъ: на все Божія воля и терпятъ. Противъ мужа не пойдешь. У нихъ тогда дѣти невелики были, да потомъ еще Богъ далъ.

— Имѣтъ дѣтей отъ такого мужа...

«Ужъ очень дѣтей она любила.

— И дѣти видѣли все?

«Какъ же! Когда въ первый разъ онъ ее подсвѣчникомъ долбанулъ, такъ она въ комнаты выбѣжала, а на лбу рана... кровь по лицу такъ и бѣжитъ. Дѣвочка, дочь, тогда маленькая была, испугалась, закричала: «мама, мама», просто не своимъ голосомъ. Что съ ней, маленькой, только сдѣлалось.

— Не могла бы я простить, силъ бы не нашла... ужъ за ребенка не простила бы. А сыновья, чтожъ, пріучались, какъ женъ то поучать.

«Да вѣдь онъ съ пьяну, будто обиженно возразила Ольга Алексѣевна. Пилъ очень. Да вотъ еще какъ другая кто подвернется. Своя и не мила.

— Какъ и это бывало?

«А вы что думали, дѣло мужское. Семья семьей, а и на сторонѣ не прочь.

— И неужели дѣти выносили отца?

«Что вы. Отецъ вѣдь. По стрункѣ ходили. Почитали, любили.

— Есть кого почитать!

«Мать жалѣли, строго вставила Ольга Алексѣевна. Напротивъ родителей какъ же итти. Жизнь-то кто имъ далъ. Должны чувствовать».

Маленькая женщина глядѣла на говорившую и чувствовала, какъ пропасть, ихъ раздѣлявшая, все увеличивается. Неужели такіе типы еще уцѣлѣли, хотя бы и въ купеческой средѣ. Вѣдь, сколько между ними теперь образованныхъ. И сидитъ передъ ней женщина-купчиха, рассказываетъ объ ужасахъ, какъ о самыхъ обыденныхъ вещахъ и все время чувствуешь, что смиреніе поруганной, измученной жены ее не поражаетъ. Мало ли что перенести придется. По закону вѣнчаны.

А у нихъ... давно это было: подняла она письмо съ полу... выпало вѣрно изъ мужнина кармана.. отъ женщины, подписано: «твоя», назначено свиданіе. Скрыла свою печаль. Не повѣрила. Давно-ли онъ былъ нѣженъ и милъ... подумала: что нибудь да не такъ: надо выждать, время скажетъ. Время не молчало. Все чаще проходили одинокіе вечера. Дѣти спать. Одна въ пустой квартирѣ. Сколько безсонныхъ ночей. Не спится, вслушиваешься въ тишину и долго, долго ничего не доносится, кромѣ однообразнаго тиканія часовъ. Ахъ, эти часы... сколько тяжелыхъ минутъ отсчитывали они. Но вотъ стукъ колесъ по мостовой... мимо... Еще и еще... Кажется, слухъ достигаетъ наивысшаго напряженія... Къ подъѣзду или нѣтъ? Нѣтъ, мимо. Теперь наконецъ не ошиблась.

Знакомый звук дребезжащего колокольчика у швейцара. Шаги по лестницъ. Сейчас онъ отворитъ дверь своимъ ключемъ и тихо тихо, словно крадучись, пройдетъ по коридору въ свою комнату... Встрѣча утромъ, днемъ въ столовой. Обычные разговоры двухъ хорошо воспитанныхъ людей. Не повѣрить уже было трудно. Въ отвѣтъ на ея предложеніе о разводѣ объяснилъ по хорошему, что жена не возлюбленная и любовь не вѣчна, что остаются обязанности. Когда она пыталась спросить, какъ же онъ ихъ понимаетъ, стукнулъ по столу, побагровѣлъ, затрясся. Онъ совсѣмъ, видите, не былъ расположенъ, чтобы вторгались въ его жизнь и не собирался давать отчетовъ. Такимъ она его никогда не видала. Она замолчала. Пусть придетъ въ себя. А тамъ, какъ всегда заботы о дѣтяхъ и застающія врасплохъ дѣтскія болѣзни. Гдѣ тутъ—забрать ихъ и уйти. Легче сказать, еще и не отдадутъ. Всямногочисленная и тщеславная родня мужа поднимется на дыбы. «Такой хорошій мужъ. Немножко поухажи валъ. Что жъ, дѣло мужское. А ужъ ты сейчас! Не можетъ же женщина требовать неизмѣнной любви до гробовой доски. Нѣтъ любви, такъ есть дружба. Наконецъ, обязанности. Мы всегда говорили, что у этой женщины нѣтъ сердца».

Въ противовѣсъ имъ надо бы ей хоть одного родного человѣка. Никого. Всѣ вымерли изъ ея семьи. Потому можетъ такъ горячо и беззавѣтно привязалась она къ мужу. И вдругъ ударъ, откуда меньше всего ожидала. И въ поддержку ему цѣлый полкъ тетушекъ и двоюродныхъ сестрицъ. Пожалуй, если дойдетъ до рѣшительныхъ шаговъ, дѣтей дѣлить начнутъ. Ужъ и такъ охотницы позлословить, судятъ ея отношенія къ дѣтямъ: почему къ одному ребенку такъ, къ другому этакъ. Инсинуируютъ. Одного любишь больше другого. Точно дѣти одинаковы, точно воспитаніе должно быть тождественно съ однимъ, какъ съ другимъ... при разныхъ характерахъ. Всѣхъ болѣе старается Марья Ефремовна... пріятельница. Она... почему? Прежде была она другая. Теперь... Какъ узнать?.. А въ сущности не все ли равно. Какое значеніе имѣетъ третье лицо... разлучница, какъ называютъ... не одна, такъ другая... развѣ можно заставить себя полюбить, разогрѣть охладѣвающее чувство.

Такъ они и разошлись. Тихо, холодно безъ особенныхъ ссоръ. Больше другъ другу они не мѣшали. Каждый доживалъ свою жизнь на своей половинѣ... какъ ни ограничено было число комнатъ, половины образовались.

Тайной окутывалась жизнь мужа. Счастливъ ли онъ былъ въ своихъ новыхъ привязанностяхъ? Какъ будто печаль мелькала у него иногда въ глазахъ. Почему онъ не желалъ свободы. Брать вину на себя... Если бы онъ взялъ... тогда кошмаръ раздѣла дѣтей, отнимающій всякую рѣшимость, пересталъ бы существовать.

А впрочемъ, отнять дѣтей у отца. Онъ всетаки отецъ. Кто имъ замѣнитъ его? Не по силамъ. Дѣтей жаль. Имъ покой нуженъ.

А жить такъ хотѣлось. Хотѣлось счастья молодости, внезапно исчезнувшего съ ея пути. Хотѣлось любви, ласки взаимнаго пониманія. И вмѣстѣ съ тѣмъ, печаль точно унесла всѣ силы. Чужой чувствовала себя Нина Александровна внѣ дома, среди толпы равнодушныхъ людей. Слухи и сплетни не заставляли себя ждать. Кружокъ знакомыхъ былъ слишкомъ малъ. Мужъ никогда не любилъ многолюднаго общества. И въ тѣсномъ кружкѣ нѣкоторые съ всегда готовымъ злорадствомъ угадывали рознь и чтобы поразвлечься не скупилась на уколы, другіе съ плеча судили вкривь и вкось.

Тетка, вынянчавшая мужа и думавшая, что Нина дѣлаетъ мужа несчастнымъ... ха-ха-ха... злобно косила на Нину свои выцвѣтшіе глаза. А, впрочемъ, кто знаетъ? Можетъ, тетка и была права. Можетъ въ ней, Нинѣ, крылась часть вины, непонятная ей самой.

Темное дѣло бракъ! Тяжело нести какую то вину, не сознавая ея. А кумушки разбирали. И, судя и ряда, меньше всего принимали въ расчетъ двѣ бѣлокурова головки. «Хорошо, что ихъ только двое»,— думала Нина Александровна. Къ чему вызывать новыя души изъ невѣдомаго міра для бесплодной борьбы съ самимъ собой въ которой проходятъ тоскливые дни. Къ чему? Она воспитываетъ дѣвочекъ другими: сильными, самостоятельными, готовыми къ коварнымъ предательствамъ жизни, съумѣющими справиться и съ петлей подобно той, въ которой задыхалась теперь она съ ничтожнымъ оружіемъ пріветливой улыбки и выдержки, выдержки безъ конца... Только, вселяя въ дѣтей способность къ борьбѣ за отстаиваніе своей личности, можно искупить передъ ними вину за данную имъ жизнь.

— Что задумались, Нина Александровна? У васъ жизнь спокойная. Это у насъ мужья сѣрые, да и то порѣже, слышно. А у васъ мужъ хорошій: не пьетъ, не съегъ Тишь да гладь, да Божья благодать. А вотъ и муженекъ вашъ домой идетъ.

Мужъ плотный, коренастый господинъ съ широкимъ добродушнымъ лицомъ, подходилъ къ балкону, весело болтая съ двумя тоненькими подростками дѣвочками.

— Мое вамъ почтеніе, Павелъ Николаевичъ. Мы и то любимъ. Какъ только на дачѣ, такъ вы все съ дѣтками. Заблуете ихъ.

— У меня дѣти на рѣдкость,—сказалъ Павелъ Николаевичъ, ласково глядя въ слѣдъ убѣгавшимъ дѣвочкамъ и усаживаясь на балконѣ.

Нина Александровна встрѣтилась глазами съ мужемъ, и взоры ихъ передали другъ другу ту же мысль. Своя неудавшаяся судьба отступала на второй планъ. Всѣ силы сосредоточивались, чтобы внести радость въ дѣтскую жизнь.

Л. Ярцевская.

Врачъ Басаргинъ занимался у себя въ кабинетѣ, производя микроскопическія изслѣдованія, когда вошла горничная Зося и подала письмо.

Владимиръ Георгіевичъ отложилъ въ сторону препараты, вскрылъ конвертъ и прочелъ:

— «Дорогой врачъ!

У васъ порядочные рога. Рискните, другъ, повѣрить».

— Что за мерзость,—проворчалъ Басаргинъ и, скомкавъ конвертъ и бумагу, съ какою-то брезгливостью бросилъ въ горѣвшій каминъ.

Басаргинъ вновь принялся за работу,—но сосредоточиться не могъ.

Въ немъ незамѣтно для него вспыхнула ревнивая искорка, угрожая разгорѣться яркимъ пламенемъ.

— Третье письмо получаю,—вспомнилъ онъ.

— А что, если Оля,—какъ то невольно вырвалось у него,—измѣняетъ мнѣ!?

Басаргинъ сразу почувствовалъ какъ то не по себѣ, вздрогнулъ и задумался.

— Прошло уже десять лѣтъ, какъ окончилъ университетъ. Успѣлъ уже посѣдѣть. Чувствую порою душевную усталость, а временами какую-то физическую тяжесть. Восемь лѣтъ ужъ какъ женатъ. А какъ сейчасъ помню вечеръ въ пользу женскихъ курсовъ, гдѣ познакомился съ моею женою. Это было начало моего единственнаго романа. Затѣмъ сошлись. Жили чуть ли не на пятомъ заднемъ дворѣ, въ маленькой комнатѣ пятого этажа.

Оба бѣгали по урокамъ. Тяжело было, а вмѣстѣ съ тѣмъ и легко какъ-то. Полученъ былъ наконецъ дипломъ, а вскорѣ и свадьба. Какъ хороша была Оля въ вѣнчальномъ уборѣ!

Мысли Басаргина оборвались на этомъ, и перешли къ настоящему.

— А что, если это наглая ложь, насквишь... Но ревность уже вытѣснила разсудокъ.

— Не честно,—страдальчески проговорилъ Владимиръ Георгіевичъ,—но я повѣрю...

На слѣдующій день за обѣдомъ Владимиръ Георгіевичъ передалъ женѣ, что уѣдетъ къ больному на цѣлый день и, возможно, вернется на завтра.

Жена проводила его до передней, а затѣмъ вернулась къ себѣ въ комнату и на листикъ душистой почтовой бумаги набросала:

— Костя, прїѣзжай сейчасъ. Мой «профессоръ» укатилъ. Твоя О.

Р. С. Проигралась до тла, но все-же дома кой-что и найдется.

Зося поѣхала съ письмомъ.

Черезъ часъ прїѣхалъ Костя. Молодой человекъ, выше средняго роста, блондинъ, съ помятымъ истасканнымъ лицомъ. Костюмъ не первой свѣжести. Взглядъ хищный, но мало выразительный. Словомъ это былъ типичный завсегдатай клубовъ.

Онъ нѣсколько грубовато пожалъ руку хозяйки и повелъ обычный разговоръ.

— А не поужинать-ли намъ у тебя, помнишь, какъ послѣ клуба въ «Ренессансѣ?»

Оля охотно согласилась и лукаво улынувшись добавила, что у ней найдется и парочка «Дуазничка».

Вскорѣ былъ сервированъ ужинъ и Костя не умѣло, но увлекательно для игрока рассказывалъ про вчерашнюю игру.

Оля внимательно, съ расширенными зрачками слушала Боброва, а «Дуазнъ» раззаваривалъ и дополнялъ.

И въ тотъ моментъ, когда захмѣлѣвшая парочка чокалась, быстро, крупными шагами вошелъ мужъ.

Бобровъ и Басаргина обернулись, привстали и, казалось, застыли.

— Басаргинъ,—проговорилъ искусственно спокойно Владимиръ Георгіевичъ, пойдя вплотную къ Костѣ.

— Бобровъ, — пролепеталъ блудливый, но трусливый Костя.

— Извините, вы бывали у продажныхъ женщинъ!?

— Да, бывалъ...—говоритъ Костя.

— Сколько вы платили имъ за визитъ?!

— Три... три рубля,—промямлилъ, заикаясь Бобровъ.

— Такъ заплатите-же,—прогремѣлъ Басаргинъ,—этой женщинѣ, сколько вы найдете нужнымъ по ея темпераменту.

Костя растерянно смотритъ кругомъ,—но дуло «Смиттъ-Вессона» такъ убедительно, что Бобровъ опускаетъ руку въ жилетный карманъ, достаетъ единственную засаленную трех-рублевку и, расправивъ ее дрожащей рукою, кладетъ передъ Басаргиной.

— Зося! — позвалъ Басаргинъ, — господину Боброву пальто!...

В. Блохинъ.

Звѣзда сезона.

РАЗСКАЗЪ

В. Зичи.

Анжелика безспорно была лучшей наѣздницей одного провинціального цирка. Кромѣ того она была молода и хороша собой. Когда она прїѣзжала въ городъ, то тотчасъ же посылала къ хозяину лучшаго отеля, чтобы ей отвели хорошей номеръ, причемъ просила расчитаться. Приказаніе такой красавицы и богатой особы, „бывшей директрисы“, какъ о ней писали вершковымъ шрифтомъ на афишахъ, исполнялось немедленно. Платили за доставку лошадей, багажа и проводника. Хозяинъ понималъ, что красавица изъ цирка потянетъ за собой вереницу поклонниковъ, будутъ обѣды, ужины.

Второй звѣздой цирка была Бетти Кноль танцовщица на проволоку. Бетти путешествовала съ труппой совѣмъ иначе, чѣмъ Анжелика. Она возила всюду за собой мамашу, одну изъ тѣхъ ужасныхъ мамашъ, которая въ пятьдесятъ лѣтъ, не можетъ забыть, что и она когда-то нравилась. Въ красотѣ дочери она видѣла себя, какъ живую въ молодости; а потому по опыту зная, какъ опасно молодой дѣвушкѣ слушать болтовню мужчинъ наединѣ, она всюду сопровождала ее, и порядкомъ-таки злоупотребляла радушіемъ приглашающихъ. Она заказывала себѣ любимыя нѣмецкія блюда; поѣдала съ удивительной быстротой массу закусокъ и обыкновенно забирала весь оставшійся десертъ въ вазахъ въ свой помѣстительный сакъ, съ которымъ никогда не разставалась... Между Анжеликой и Бетти существовалъ нѣкоторый антагонизмъ соревнованія, плохо скрываемый въ разговорѣ. Обѣ считали себя красавицами, обѣ находили одна въ другой недостатки, существованіе которыхъ публика знать не могла. Это велось тонко и политично подъ личиной взаимнаго расположенія.

Представленіе уже началось, когда Анжелика подходила къ цирку. Она была занята во второмъ отдѣленіи и потому не топила.

Сборъ былъ полонъ. Въ циркѣ было шумно. Проходя въ уборную, Анжелика увидѣла Бетти, готовую уже къ выходу на арену. Мать держала двѣ коробки конфетъ, Бетти кокетливо разговаривала съ двумя офицерами и Ваничкой Кондровымъ.—Это былъ одинъ изъ богачей города, молодой человекъ, постоянный посѣтитель цирка. Увидавъ Анжелику, всѣ трое бросились съ ней здороваться. Бетти звонко поцѣловала щеку Анжелики, злобно сверкнувъ глазами. Мать нарочно зашуршала коробками, чтобы Анжелика замѣтила. Анжелика здороваясь съ Кондровымъ тихо сказала:

— Мнѣ необходимо съ вами переговорить, зайдите въ уборную, когда я окончу свой номеръ.

И гордо прошла въ уборную, гдѣ ее ожидала уже горничная. Ваничка, пораженный неожиданнымъ приглашеніемъ, успѣлъ сказать только:—Слушаю-сь.

Бетти, переглянувшись съ матерью, сейчасъ же спросила его:

— Что она вамъ говорила, наша примадонна.

— Ничего особеннаго, просила зайти въ уборную.

— Вотъ какъ? Неужели? Большая честь? Вы пойдете?

— Надо пойти!

— Не совѣтую—крикнула Бетти Кондрову и побѣжала къ выходу. Въ эту минуту музыка заиграла интродукцію къ вальсу, подъ который Бетти должна была вызывать восторги публики, стоя на высоконатянутой проволоку... Между тѣмъ англійскій жокей Гарри, обратившій свое вни-

маніе съ первыхъ же представлений на очаровательную Анжелику, пользуясь тѣмъ, что всѣ ушли смотрѣть неустрашимую Бетти, рѣшилъ войти въ уборную Анжелики, чтобы окончательно объясниться съ ней. Его не приняли.

— Вы мнѣ надоѣли, понимаете.

Прошу васъ, оставьте ваши преслѣдованія,—сердито крикнула Анжелика. Онъ хотѣлъ ей сказать что-то ѣдкое, повелительное, но въ это время кончилось первое отдѣленіе и публика хлынула за кулисы.

— О, чортъ! первая женщина относится ко мнѣ такъ равнодушно!—пробормоталъ онъ про себя и набросился на ни въ чемъ неповиннаго конюха.

Кондровъ тоже пришелъ за кулисы поздравить Бетти съ успѣхомъ. Ему нравились обѣ красавицы, онъ не зналъ еще на которой остановиться. Но вотъ изъ уборной вышла Анжелика, на ней было черное трико, блѣдно-голубая юбочка съ такимъ же корсажемъ, а въ волосахъ чайная роза. Ея плечи были точно выточены изъ бѣлаго мрамора, въ которомъ мѣстами сквозили синія жилки. Кондровъ ничего не видѣлъ вокругъ себя.. Его качнуло назадъ, и онъ непременно упалъ бы, еслибъ сзади не оказалась стѣна... Когда Анжелика вошла въ конюшню, здѣсь уже стоялъ цѣлый рой ея поклонниковъ. Она со всѣми любезно поздоровалась, осмотрѣла мундштукъ „Ромео“, погладила его и угостила сахаромъ, не переставая болтать по очереди со всѣми. Увидавъ подходившаго Кондрова, она громко сказала:

— Иванъ Михайловичъ! помогите мнѣ сѣсть.

Кондровъ подскочилъ, взялъ ножку Анжелики и такъ поусердствовалъ подсаживая, что чуть не перебросилъ ее на другую сторону. Окружающіе даже вскрикнули.

— Какая вы легонькая,—говорилъ совсѣмъ очарованный Кондровъ. Анжелика нагнулась къ его уху.—Я васъ жду, слышите!

Музыка заиграла и она испанской рысью выѣхала на арену. Публика встрѣтила наѣздницу аплодисментами. Поклонники и Кондровъ пошли по мѣстамъ.

На другой день Анжелика не ходила репетировать. Было уже два часа а она еще не вставала съ постели. Она любила поваляться и помечтать. Выпивъ чашку кофе съ ея любимыми сухариками, она лежала подъ стеганымъ пуховымъ одѣяломъ, крытымъ бирюзовымъ атласомъ. Посрединѣ красовался вышитый золотомъ вензель величиною въ аршинъ. Одна рука небрежно закинута подъ голову, другая лежала поверхъ одѣяла. Анжелика устремила пристальный взглядъ на китайскій зонтикъ, спускавшійся надъ кроватью и мысленно унеслась въ Лембергъ, гдѣ она служила прошлый сезонъ. Въ ея памяти выдѣлилась красивая фигура офицера, который истратилъ на нее почти половину своего состоянія. Она улыбнулась. Развѣ сама то она была равнодушна къ нему. Анжелика вздохнула. Но чѣмъ хуже ей здѣсь, думала она. Громадный успѣхъ, толпа поклонниковъ. А Кондровъ?.. Хотя здѣсь еще не находился отважный завоеватель, который рискнулъ бы взять на свое попеченіе шикарное помѣщеніе въ лучшей гостиницѣ, двухъ лошадей, берейтора и камеристку, утопавшую среди разнообразія туалетовъ своей госпожи. Но Анжелика надѣялась на свои чары... Кондровъ, говорятъ, богатъ, а какъ онъ нѣжно цѣловалъ ей руку вчера въ уборной, вспомнила она, а потомъ, когда поѣхали кататься на его чудныхъ рысакахъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, я ни за что не уступлю его Бетти.—Надо удержать его во чтобы-то ни стало! Ей ли тягаться со мной?—Мысли ея были прерваны стукомъ въ дверь.

— Кто тамъ?—спросила Анжелика и слегка приподнялась на локтѣ.

— Я сударыня.

— Войдите, Саша, что нужно?..

Въ комнату вошла молоденькая горничная и доложила, что Кондровъ пришли.

— А хорошо, попроси его въ гостиную. Горничная ушла, затворивъ за собой тихо дверь. Анжелика, вскочивъ съ постели, сунула свои ноги въ домашнія мягкія туфли, накинувъ восточный голубой халатъ, собравъ кое-какъ свои роскошные волосы, она одѣла феску. Этотъ нарядъ чудно какъ шелъ къ ней. Анжелика прекрасно знала и самодовольно взглянула въ зеркало, спрыскивая себя любимыми духами „Кариди“.

Яркій румянецъ игралъ на ея щекахъ, а въ глазахъ горѣлъ лукавый огонекъ. Войдя въ гостинную, она съ протянутыми руками, подбѣжала къ Кондрову. Онъ, обрадованный такимъ приѣмомъ, горячо поцѣловалъ прелестныя ручки, говоря:

— Ай, ай, ай, ай, до сихъ поръ спать, стыдно!—Анжелика звонко смѣялась, закрывая лицо рукой, упрямый лучъ солнца проникавшій черезъ окно, не позволялъ ей разсмотрѣть, что подавалъ Кондровъ, который по своей привычкѣ не являлся съ пустыми руками принесъ большую коробку конфетъ, а также цѣнный рубинъ на ея хорошенькій розовый мизинецъ. Онъ точно угадывалъ, что Анжелика будетъ его. Она же фатально рѣшила больше не колебаться. Кондровъ нравился ей, къ тому же онъ поддержитъ ее и защититъ отъ Гарри. Она чувствовала въ Кондровѣ силу, которая нравится и цѣнится въ мужчинѣ женщиной.

Онъ нѣжно обнялъ ее за талію, она несколько не сопротивлялась, поцѣловавъ его въ лобъ. Взглянувъ ему въ глаза, она ловко выскользнула изъ его объятій, радостно суетилась, развертывая коробку.

— Какая прелесть, что вы принесли, я обожаю конфеты.

— Не потеряйте, въ коробкѣ есть маленькій сюрпризъ.

Она открыла—сверху лежало кольцо.

— Ахъ, какой вы милый!—воскликнула она, обнимая довольнаго Кондрова и увлекая его на диванъ.

— Я много, много хотѣла вамъ рассказать.

— Говорите же, откровенно, какъ вашему другу.

— Ну хорошо, слушайте.—Вы должны меня избавить отъ преслѣдованій Гарри, я не могу видѣть этого человѣка, между тѣмъ онъ забираетъ права, которыя я ему не давала. Его самоувѣренность и дерзости переходятъ границы моего терпѣнія.

— Говорите, говорите, я васъ со вниманіемъ слушаю.

— Вы не подумайте, что я притворяюсь или хочу эксплуатировать вашу любезность.

— Анжелика...

— Въ такомъ случаѣ, надо сдѣлать такъ, чтобы онъ зналъ, будто-бы я принадлежу вамъ. Это его охладитъ и сразу поставитъ въ извѣстныя рамки.

— Нѣтъ ничего пріятнѣе и легче.

— Кромѣ шутокъ?

— Клянусь вамъ.

— Такъ вы меня берете?

— То есть какъ?

— Подъ ваше покровительство.

— Совсѣмъ, совсѣмъ беру до мельчайшаго волоска, моя прелесть.

— Это сопряжено со многими неудобствами. Я у васъ ни за что не покажусь, а здѣсь видѣться ежедневно, въ гостиницѣ, фи!

— Я сегодня же возьму квартиру, ключомъ которой иногда позволите и мнѣ воспользоваться, квартира-особнякъ имѣетъ то удобство, что насъ не будутъ слышать любопытныя уши. Я весь къ вашимъ услугамъ, приказывайте!

Онъ ласкалъ ее и любовался головкой красавицы. Ея молчаніе и взглядъ, полный любви, говорили о ея согласіи. Упоительный *tete a tete* продолжался бы долго, если бы не явилась горничная и доложила, что обѣдъ уже готовъ.

— Барыня обѣдать сегодня не будетъ,—сказалъ смѣясь Кондровъ.

— Вы меня наказываете?—спросила лукаво Анжелика.

— Поѣдемъ за городъ, тамъ отлично, сегодня прелестный день.

Анжелика весело соскочила съ дивана.

— Ну, Саша, вы можете кушать два обѣда,—а нѣтъ, нѣтъ прежде дайте мнѣ умыться. А вы, чтобы не скучать, поправьте мой хлыстъ, видите какъ я его согнула. Звонко смѣясь, она убѣжала въ другую комнату, откуда вскорѣ послышался плескъ воды. Одѣваясь она все время перекидывалась шутивными фразами съ Кондровымъ черезъ перегородку. Наконецъ дверь открылась и въ гостинной показалась уже не шаловливая дѣвочка, какъ въ первый разъ, а молодая дама, элегантно одѣтая во все черное. Кондровъ невольно залюбовался ею.

— Куда же мы поѣдемъ,—спросила Анжелика, натягивая перчатки.

— Тутъ есть въ роцѣ одинъ кабачекъ неважный, но меня тамъ знаютъ и думаю, что не отравятъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, туда мы не поѣдемъ!—Анжелика вспыхнула и отвернулась.

— Я на все согласенъ, тогда поѣдемъ ближе здѣсь въ городъ.

— Хорошо!

Она кивнула головкой. Какъ два школьника, они выбѣжали изъ дома. На тротуарѣ встрѣтили Гарри, онъ шелъ къ Анжеликѣ съ тѣми же приставаніями. Анжелика сдѣлала видъ, что его не замѣчаетъ и прижалась къ рукѣ Кондрова. Оба почему-то громко и смѣло расхохотались, садясь въ экипажъ.

ИЗЪ МИРА ПОГИБАЮЩИХЪ.

ПАСХАЛЬНЫЙ ОЧЕРКЪ.

Матвѣя Безымяннаго.

Въ сѣрую комнату, наполненную тихо-спускающимся дымомъ непроницаемыхъ сумерекъ, съ горнихъ высотъ спустился блѣлоснѣжный ангелъ, съ золотыми крыльями и сталъ у изголовья спящей дѣвочки, блѣдное личико которой еще было влажно отъ недавнихъ слезъ и печали.

— Марія! Марія!..

Но голосъ ангела былъ мелодиченъ, какъ красивая музыка; онъ не былъ гнѣвнымъ и мстительнымъ, суровымъ и безпощаднымъ.

— Марія! Марія!—шепталъ онъ нѣжно, какъ братъ, какъ мать, убаюканная ласковыми воспоминаніями о пробуждающихся дняхъ первой весны своей дорогой дѣвочки.

— Марія! Марія! Я пришелъ отряхнуть съ твоихъ длинныхъ, роскошныхъ рѣсницъ капающія жемчугомъ слезы. Меня послалъ тотъ, кто умеръ, чтобы воскреснуть въ эту святую счастливую ночь...

— Слышишь?.. Слышишь ли ты милая дѣвочка?

Лицо ангела озарилось небесной улыбкой вдохновенія, когда онъ увидѣлъ, что спящая дѣвочка отвѣтила на его слова тихимъ и радостнымъ смѣхомъ и когда изъ полуоткрытаго розоваго ротика ея вылетѣли чуть слышно робкіе дѣтскіе звуки молодого голоса...

— Я слышу тебя, но не вижу.

— Я ангелъ.

— Ангелъ?

— Меня послалъ Богъ..

— Ахъ, да, да!.. Я грѣшница, великая грѣшница!

И лицо дѣвочки сдѣлалось снова печальнымъ, и около губъ ея образовалась страдальческая складка.

— Нѣтъ, ты святая!..—сказалъ ангелъ.

— Я рано пала въ объятія плоти...

— Тебя обманули!..

— Я любила!

— Тебя бросили!..

— Я продавала себя...

— Неправда. Тебя покупали.

— Я грѣшница! Блудница!..

— Нѣтъ, ты святая!.. Ты чистая!..

Голосъ ангела дышалъ мягкими бархатистыми нотами.

— Да, ты чистая!.. Твои слезы были слезами страданія, и Христосъ услышалъ ихъ и внялъ своимъ сердцемъ, и полюбилъ тебя за твои грѣхи-муки...

— Когда мнѣ было тяжело, я прибѣгла къ молитвамъ... Я никогда не роптала..

— И за это тебя возлюбилъ Христосъ!

— Не возлюбилъ, а пожалѣлъ...

— Жалѣютъ грѣшныхъ, а ты святая...

— Я тварь презрѣнная!.. Кто продаетъ тѣло...

— Тотъ не продаетъ душу!—перебилъ ее ангелъ.

— Я дочь порока. Я убила мать и она умерла, узнавъ, что я одѣла наряды уличной гетеры...

— Тебя любитъ мать Богочеловѣка...

— У меня былъ братъ, который отрекся отъ меня... Ему было больно.

— Но, умирая, онъ простилъ тебя!..

— Я великая грѣшница. Падая въ пропасть, я увлекла за собой многихъ людей. Я умертвила жениха, который любилъ меня и исчахъ въ тоскѣ, что я сдѣлалась такою..

— У тебя женихъ воскресшій Христосъ.

Марія! Марія!.. Я пришелъ къ тебѣ по волѣ пославаго меня. Ты много страдала, ты много пролила слезъ, осмѣянная, опороченная!.. Въ твоей душѣ былъ холодъ сѣверной ночи, но ты согрѣвала себя своими мученіями... Гибли люди въ угарѣ безумныхъ афинскихъ ночей, но ты была жертвой своей молодости... Ты надѣла вѣнецъ мученицы, покорившись волѣ сердца, бьющагося въ твоей груди такъ довѣрчиво, что ты, ребенокъ, не устояла...

— Не вспоминай!.. Мнѣ тяжело.

— Марія! Марія!..

— Ты вкрадываешься въ мое сердце!.. Не называй меня этимъ именемъ. Его у меня нѣтъ... Я не хотѣла, чтобы его оскверняли всѣ... Меня зовутъ Фрося...

— Марія!.. Христосъ, котораго ты любишь, котораго ты носишь въ своемъ истерзанномъ сердцѣ, сынъ Бога Христосъ.. Ты слушаешь меня?

— Я сплю, но грежу...

— Это не сонъ!..

Марія! Марія!.. Христосъ, распятый, Христосъ, страдающей, Христосъ, воскресшій,— знаешь ли ты, кто онъ теперь для тебя?

— Судья!..

— Нѣтъ, больше!..

— Богъ!..

— Онъ—твой женихъ!.. Марія! Марія!.. Я пришелъ къ тебѣ за отвѣтомъ. Слышишь ли ты, невѣста Христа?

— Я люблю Его!.. Я одного Его любила..

— Невѣста! Невѣста!..

И сѣрая комната превратилась въ сіяющій блескомъ алмазныхъ лучей чертогъ, въ которомъ въ праздничныхъ бѣлыхъ одеждахъ возлежали за столомъ нарядные гости. Христосъ въ ослѣпительно-яркомъ хитонѣ шелъ навстрѣчу своей невѣстѣ, и на кроткомъ лицѣ его блуждала божественная улыбка.

— Марія! Марія! Богоданная моя! Невѣста моя!.. Я полюбилъ тебя за то, что ты не знала на землѣ счастья. И чѣмъ несчастнѣе была ты, тѣмъ сильнѣе любилъ я тебя... Войди, невѣста моя!..

А она, трепещущая, стояла предъ нимъ

Она, эта бѣдная, измученная на землѣ дѣвочка!..

Редакторъ-Издатель В. Г. БЛОХИНЪ.

